

БЕЛОРУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МИНСК   2019
МОСКВА

Российско-белорусская ассоциация историков
«Союзная инициатива памяти и согласия»

Институт истории НАН Беларуси

Фонд «Историческая память»

№

Редакция:

- Д. В. Суржик   главный редактор, кандидат исторических наук, исполнительный секретарь Российско-белорусской ассоциации историков «Союзная инициатива памяти и согласия»
- В. В. Герасимчик   выпускающий редактор, магистр исторических наук
- Р. И. Попель   ответственный секретарь редакции, магистр исторических наук

Редакционный совет:

- Я. П. Безлепкин   кандидат исторических наук (Президиум Национальной академии наук Беларуси)
- А. Ф. Великий   кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси и славянских народов Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка
- В. В. Данилович   кандидат исторических наук, доцент, директор Института истории Национальной академии наук Беларуси
- А. Р. Дюков   директор Фонда «Историческая память»
- Е. В. Кодин   доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, руководитель Научно-образовательного центра «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» Смоленского государственного университета
- В. В. Кондрашин   д.и.н., профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» историко-филологического факультета Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (Россия)
- А. П. Косов   кандидат исторических наук, заведующий аспирантурой Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры
- В. В. Симиндей   руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память», главный редактор «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований»
- Д. В. Фомин-Нилов   кандидат исторических наук, доцент, ректор Государственного академического университета гуманитарных наук
- Э. С. Ярмусик   доктор исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Корректор — *Г. Рыженкова*

Художественный редактор — *М. Левыкин*

Верстка — *Р. Фахрутдинов*

Адрес редакции:

119002, Москва, Гагаринский пер., д. 35, оф. 8.

Электронная страница: <https://www.facebook.com/HistAssoc>

Учредители журнала «Белорусский исторический обзор»:

Российско-белорусская ассоциация историков «Союзная инициатива памяти и согласия»

Институт истории Национальной Академии наук Беларуси

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память»

Отпечатано в типографии «???»

Тираж: ??? экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	4
РЕЦЕНЗИИ	5
<i>Вашкевич А. Ф.</i> Рецензия: [Трафімчык А. 1939 год і Беларусь: забытая вайна. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2014. 226 с.]	7
<i>Петровский П. С.</i> Рецензия: [Носович А. А. Почему Беларусь не Прибалтика. М.: Алгоритм, 2017. 272 с.].....	17
<i>Попель Р. И.</i> Рецензия: [Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / редкол.: Д. В. Гулецкий [и др.]. Минск, Москва, 2015–2018. Т. 5.]	31
<i>Герасимчик В. В.</i> Рецензия: [Фірыновіч А. Э. Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск: Беларус. навука, 2013. 315 с.].....	41
СТАТЬИ	51
<i>Барабаш В. В.</i> Советско-польская граница в дипломатической борьбе между СССР и польским эмигрантским правительством в период Второй мировой войны	53
<i>Герасимчик В. В.</i> Геополитическая ситуация во время восстания 1863 г.: от угрозы европейской войны до создания I Интернационала	79
<i>Гулецкий Д. В.</i> Древнерусские свинцовые пломбы как источник для изучения денежного обращения домонгольского периода	91
<i>Король В. Л.</i> Миротворческая деятельность митрополита Минского и Белорусского Филарета	106
<i>Стариченок В. В.</i> Внешняя политика Республики Беларусь: от логики обособления к логике союза	129
МНЕНИЕ	141
17 сентября в истории белорусского народа	143
Сведения об авторах номера	157
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	159
Конкурс научных трудов «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры», выполняемых молодыми исследователями под руководством ведущего ученого	161

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели, вы держите в руках первый номер научного журнала «Белорусский исторический обзор». Учрежденный Российско-белорусской ассоциацией историков «Союзная инициатива памяти и согласия», Институтом истории Национальной Академии наук Беларуси и Фондом «Историческая память» он ставит своей целью развитие белорусистики и сближение российских и белорусских историков на основе общего понимания событий, явлений и персоналий прошлого.

Журнал ориентирован в первую очередь на публикацию рецензий на труды по истории Беларуси (в ее современных географических границах), освещающие трансформацию социальной структуры населения, развитие белорусского национального движения, динамику географических границ, формирование национального самосознания, геополитические императивы развития Беларуси, внутреннего развития и взаимодействия с другими государствами и народами, влияние глобальных конфликтов на прошлое и настоящее Беларуси.

В силу родства русского и белорусского языков мы сочли возможным публиковать статьи на обоих языках. Приглашаем всех к плодотворному сотрудничеству!

*Главный редактор
«Белорусского исторического обзора»,
кандидат исторических наук Д. В. Суржик*

РЕЦЕНЗИИ

Вашкевич А. Ф.

Рецензия: [Трафімчык А. 1939 год і Беларусь: забытая вайна. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2014. — 226 с.]

Вторая мировая война началась для белорусов не 22 июня 1941 года, а 1 сентября 1939 года. Это касается не только западных областей, которые в 1921–1939 гг. входили в состав польского государства, но и БССР. Ведь большинство красноармейцев, «освобождавших» из-под панского гнета западнобелорусских крестьян, были мобилизованы на территории БССР, а радиостанция в Минске своими сигналами помогала немецкой авиации ориентироваться в воздушном пространстве над Вильно, Гродно и Барановичами.

Однако в белорусском историческом дискурсе события 1939 года представлены слабо. Короткая война 1939 года будто утонула в трагедии 1941–1944 годов, стала только прелюдией величайшего конфликта, который прокатился через Беларусь меньше чем через два года. «Первые советы» — так нейтрально окрестили это время жители западнобелорусских деревень. В послевоенное время дата 17 сентября 1939 г. также не быстро стала частью советской идеологии. Например, в 1949 г. десятилетие «воссоединения белорусского народа» отметили 30 октября, в день, когда выпустило свою декларацию Народное собрание Западной Беларуси.

В годы независимости события 1939 года достаточно широко праздновались только в 1999 г. Тогда на улицах были расклеены реплики знаменитого плаката с целующимися бе-

лорусским крестьянином и красноармейцем, только вместо цитаты Сталина на плакате было размещено четверостишие белорусского классика Янки Купалы. В 2009 г. никаких мероприятий в публичном пространстве уже не было, дело ограничилось несколькими научными публикациями [1; 3].

Всё это отражает сложность отношения белорусов к тем давним событиям. С одной стороны, именно осенью 1939 г. Беларусь в целом приобрела те границы, в которых она уже четверть века существует как независимое государство, с другой стороны, и общество и власти хорошо понимают, что 1939 г. стал человеческой трагедией для десятков тысяч людей, причем представителей всех народов, которые жили тогда в Западной Беларуси.

Разобраться в перипетиях «забытой войны 1939 года» и предшествующих ей событий взялся белорусский историк и публицист, кандидат исторических наук Анатолий Трофимчик.

Жанр, в котором написана книга «1939 год и Беларусь: забытая война. Белорусский взгляд на начало Второй мировой войны», безусловно, публицистический. Об этом говорит и характерная обложка книги с фотографией встречи солдат вермахта и красноармейцев как фон для обрызганных кровью цифр «1939». Хотя если уж акцентироваться именно на «белорусском взгляде» на историю, то, на наш взгляд, лучше было бы разместить на обложке характерное фото с белорусским крестьянином на фоне пропагандистского плаката, призывающего на выборы в 1939 или 1940 г. Впрочем, понятно, что «белорусский взгляд» — это в первую очередь авторская позиция по отношению к событиям 1939 года. Однозначно то, что книга создавалась для бело-

русского читателя, об этом свидетельствует белорусский язык, на котором написана книга.

Первый раздел книги имеет название «На пороге новой эпохи: мир и Беларусь после Первой мировой войны». Автор довольно подробно описывает «западный вектор» политики большевиков, а также неплохо раскрывает разные взгляды польских политиков, в первую очередь Ю. Пилсудского и Р. Дмовского, на вопрос о включении «Восточных Кресов» в границы нового польского государства. По мнению автора, наиболее удачно белорусским вопросом воспользовались большевики. Решающим фактором для формирования «белорусской политики» со стороны большевиков был внешнеполитический. Советское правительство пошло на провозглашение БССР (или ССРБ) 1 января 1919 г. и повторно 31 июля 1920 г. в ситуациях особой напряженности в отношениях с соседней Польшей. Как только у большевиков возникала надежда на советизацию Польши, вопрос о государственности Беларуси снимался, в ситуации же, когда поляки отбирали потерянные позиции, идея БССР как внешнеполитического буфера снова «восставала из пепла». Причем именно тогда Советской Беларуси придавались черты наиболее независимого государства. Более того, на фоне военного поражения 1920 г. большевики были готовы отдать полякам даже Минск. Автор расценивает этот ход как попытку подсунуть Польше своеобразного троянского коня — как можно больше территории с непольским населением, которое может стать потом источником внутригосударственной нестабильности [4, с. 40]. Анатолий Трофимчик, однако, отмечает, что в провозглашении БССР немалую роль сыграла и необходимость нейтрализовать дея-

тельность созданного в 1918 г. правительства Белорусской народной республики (БНР). Подводя итоги этого периода, автор подчеркивает два главных позитивных результата для Беларуси. Это, во-первых, появление Беларуси на политической карте Европы, хотя бы в виде советской республики, а во-вторых — раздел Беларуси по результатам Рижского мира. Раздел Беларуси в Риге всегда преподносился как трагедия белорусского народа, однако автор справедливо отмечает, что в результате раздела у поляков и большевиков сложилась ситуация конкуренции в борьбе за симпатии белорусов [4, с. 47–48].

Второй раздел называется «Путь к сентябрю 1939 года: Беларусь и соседи между двумя мировыми войнами». Анатолий Трофимчик высказывает мнение, что БССР образца 1921–1939 гг. стала компромиссом в решении большевиками большого диапазона внешне- и внутривосточных задач. Эти задачи в отношении белорусского движения были следующие: удовлетворить чаяния патриотически настроенной интеллигенции в БССР, оказать влияние на эмигрантское правительство БНР и довести до его ликвидации, подчинить себе белорусское национальное движение в Западной Беларуси. Всё это можно было сделать, создавая иллюзию о том, что в БССР строится «белорусский дом».

Вариантов решения «белорусского вопроса» в начале 1920-х гг. было много. Белорусский историк Татьяна Протко выделила шесть моделей: «антибелорусская модель автономных областей (через Облесполкомзап), национальная автономия (через Белнацком), независимая советская социалистическая республика (БССР, первое объявление), независимая социалистическая республика-буфер (ССРБ)

и образцовая коммунистическая республика БССР» [4]. Большевики пошли по пути создания образцовой коммунистической республики, где все народы формально имели равные права (государственными были белорусский, русский, польский языки и идиш), однако особое внимание уделялось политике «белорусизации». Правда, как оказалось в 1930-х гг., акцент должен был делаться только на белорусской «форме», а вот «содержание» должно было быть сугубо социалистическим [4, с. 65]. Кстати некоторые положения автора можно было бы развить куда шире, ведь межвоенная БССР была не только «белорусским», но в значительной степени и «польским» и «еврейским» проектами. Это государство, например, было единственным в истории, где идиш имел статус государственного языка, а силовыми структурами (по крайней мере, ОГПУ) на определенном этапе руководили в основном поляки.

Третий раздел, «Начало Второй мировой войны: белорусское измерение», автор начинает довольно пространным описанием международной политической ситуации накануне 1 сентября 1939 г. На наш взгляд, некоторые выводы автора звучат довольно наивно, например то, что Великобритания собиралась только объявить войну Германии но реально не начинать ее. Ведь проблема начала активных военных действий против Германии лежала, скорее, в плоскости отсутствия реальных возможностей, поскольку Великобритания к 1 сентября 1939 г. вообще не имела на континенте никакой сухопутной армии [5, с. 40–41].

Уже говоря о начале Второй мировой войны и затягивании советским руководством начала вторжения в Польшу (В. Молотов увязывал вступление СССР в войну с заня-

тием немцами Варшавы), Анатолий Трофимчик упоминает интересные факты о том, что немцы пытались припугнуть советскую сторону перспективой создания польского, белорусского и украинского государств под немецким контролем. Автор пишет, что со стороны немцев это был только тактический ход, вызванный желанием как можно быстрее втянуть СССР в войну. Однако он отмечает, что некоторые немецкие аналитики всерьез жалели о том, что Германия не получила по итогам 1939 г. глубоких военно-политических плацдармов в Беларуси и на Украине с перспективой расшатать ситуацию в СССР.

Некоторое место уделяет автор и мифической попытке создания так называемой Западнобелорусской республики, которую попытались основать на уже оставленной поляками, но ещё не занятой большевиками территории белорусские национальные деятели. Сведений об этой попытке очень мало, и исходят они от таких современных белорусских историков, как Сергей Ёрш, которого не раз изобличали в слишком вольной трактовке исторических документов [4, с. 102].

Говоря об участии белорусов в войне 1939 г. на стороне Польши, автор приводит цифру примерно в 70 тысяч человек, из которых 25–30 тысяч попали в немецкий плен и около 20–25 тысяч оказались в советском плену. Ещё в 1940 г. немцы передали советскому правительству около 10 тысяч белорусов-военнопленных, позже этот процесс прекратился, многие остались в немецких лагерях как польские военнопленные до конца войны.

Завершает раздел автор достаточно подробным описанием юридических коллизий раздела Польши, а также расска-

зывает об отношении населения и БССР, и Западной Беларуси к событиям сентября 1939 г. В целом автор принимает логику советского руководства, говоря, что, заключая договор о ненападении с Германией, оно действовало в рамках «реальной политики». Правда, он же не раз подчеркивает аморальность подобного рода действий. Что касается отношения к этим событиям общества, то автор приводит довольно многочисленные примеры, из которых становится ясно, что даже многие солдаты и командиры понимали цинизм миссии по «освобождению братьев белорусов и украинцев». Напомним, что накануне 17 сентября 1939 г. в войсках распространялись листовки о том, что освобождать Красная Армия будет не только белорусов и украинцев, но и поляков. Шел даже разговор о создании отдельной Польской Советской республики [2, с. 306].

Пытаясь описать весь спектр оценок событий сентября 1939 г., от «торжества исторической справедливости» до «большевистской агрессии», автор пробует сформулировать свой взгляд на понятие «историческая справедливость» [4, с. 134–136]. Целый подраздел книги автор посвящает собственному пониманию исторического процесса, приходя к выводу, что раздел Польши в 1939 г. был настолько же несправедливым событием, настолько несправедливыми были разделы Беларуси в 1918 и 1921 гг.

Четвертый раздел, «Установление советской власти в Западной Беларуси: механизмы и процессы», — самый большой в книге. В нем автор сначала занимается критикой идеологических конструкций Кремля о «восоединении Западной Беларуси и БССР». Анатолий Трофимчик справедливо подчеркивает, что в новый формат БССР были включены

земли, на которые никогда не распространялось понятие «Западная Беларусь». Это были чисто польские земли на запад от Белостока — окрестности Ломжи, Остроленки и т.д. В свою очередь, Виленщина, белорусскость которой в довоенные годы не подвергалась сомнению, перешла Литве. При этом нужно напомнить, что СССР по договору 1920 г. признавал за Литвой еще большие белорусские территории с Гродно, Лидой и Молодечно [4, с. 145–150].

Еще один важный момент, на котором делает акцент автор, — аж до конца июня 1941 г. фактического объединения БССР и Западной Беларуси так и не произошло. Многие белорусские авторы вспоминают, что разделенные границей в 1921 г. семьи по-прежнему встречались тайно, нелегально переходя старую границу, контроль на которой сохранялся даже после нападения немцев на СССР [4, с. 154]. Чтобы поехать из Западной Беларуси и Восточную и наоборот, нужно было получить специальный пропуск.

Описывая процесс советизации Западной Беларуси, Анатолий Трофимчик приводит выдержки из интересной книги Владимира Триандафиллова «Характер операций современных армий» (1929 г.). Книга фактически является учебником по насаждению советской власти на занятой территории. Характерно, что книга вышла за десять лет до событий 1939 г. [4, с. 157–158].

Интересны приведенные автором цифры о демографических изменениях на территории, занятой советскими войсками в 1939 г. Считается, что к 1941 г. там находилось около 70 тысяч советских служащих и 800 тысяч военных. Вместе с членами семей эта цифра могла доходить до 1,5 миллиона человек, хотя нам она кажется преувеличенной [4, с. 160].

В этом разделе автор широко использует материалы устной истории — записанные им самим воспоминания местных жителей о выборах 1939 и 1940 гг., создании первых колхозов, репрессиях против местного населения.

Эффект советизации Западной Беларуси был крайне противоречив. С одной стороны, перед населением, страдавшим от малоземелья и отсутствия работы в городах открылись новые перспективы. Основывались новые промышленные предприятия, появилась возможность получить бесплатное профессиональное образование или поехать на заработки в глубинные районы СССР. Малоземельные крестьяне получили землю, принудительного распространения колхозов пока не было. С другой стороны, массовые репрессии, затронувшие десятки тысяч человек, и навязчивая пропаганда заставили одного белорусского крестьянина сказать полные разочарования слова: «Поляки нас ополячивали двадцать лет, ополячить не смогли, а Советы ополячили за один год» [4, с. 162].

Подводя итоги своей книги, автор пишет, что белорусская государственность в XX веке сформировалась и вопреки, и благодаря военным конфликтам и политическим противоречиям соседних государств, хотя не следует преуменьшать и значение белорусского национального движения. Беларусь была тогда и есть сейчас важный фактор политического равновесия в этом регионе Европы. Белорусы заплатили за создание государственности очень дорогую цену, поэтому автор предлагает измерять значение событий истории в человеческих жертвах, помнить в первую очередь о тех, кто стал жертвой тоталитарных режимов XX века.

Как достаточно объективный, хотя и часто наивный научно-публицистический очерк эта книга может быть интересна не только белорусскому, но и иностранному (особенно российскому) читателю.

Список источников и литературы

1. Польша — Беларусь (1921–1953): Сборник документов и материалов. Минск, 2012. 444 с.
2. «Браты Беларусы!», або некалькі дакументаў з восені 1939 года // АРНЕ пачатак. 2009. № 8. С. 298–319.
3. 17 верасня 1939 году: антрапалёгія ўзьяднання // АРНЕ пачатак. 2009. № 8. 423 с.
4. Трафімчык Анатоль. 1939 год і Беларусь: забытая вайна. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2014. 226 с.
5. Richard Overy. 1939. Nad przepaścią. Warszawa, 2009. 206 s.

Петровский П. С.

Рецензия: [Носович А. А. Почему Беларусь не Прибалтика. М.: Алгоритм, 2017. 272 с.]

Перед тем как приступить к анализу данной работы, следует сразу оговориться. Книга Александра Носовича «Почему Беларусь не Прибалтика» не является научной монографией или даже научно-популярной работой. Она позиционируется как публицистическое издание, т. е. представляет собой размышления и рефлексии автора на счет Беларуси и Прибалтики. Данная книга — это популярный, не претендующий на академизм и рассчитанный на массового читателя вариант компаративного анализа исторического пути, развития и перспектив республик Балтии и Беларуси. Поэтому судить строго и предъявлять академические претензии к данному изданию вряд ли стоит.

Также следует понимать, что книга предназначена прежде всего для российского массового читателя. Поэтому многочисленные упрощения и использование понятных российскому обществу примеров и схем здесь является неким педагогическим инструментом А. Носовича, использованным, чтобы донести до российского читателя не всегда понятные и осознаваемые реалии белорусской и прибалтийской общественно-политической ситуации.

Однако, и это принципиальная позиция автора этих строк, любая, даже обыкновенная, публицистика все же не должна противоречить последним достижениям науки, хоть и может грешить определенным стилем, схематизмом, красивым

словцом и легкостью восприятия. Поэтому «закрывать глаза» или «не обращать внимания» на такие конкретные шероховатости и недочеты тоже не стоит.

Книга Александра Носовича писалась под впечатлением его знакомства с белорусскими реалиями. Автор сам имеет корни из Беларуси, и, несмотря на то, что он родился и всю сознательную жизнь прожил в Калининградской области, сам факт его белорусских корней во многом и подстегнул рассмотреть проблему давно исследуемой им темы Прибалтики шире, в контексте иных путей и сценариев развития. Поэтому размышления автора строятся вокруг главного и краеугольного вопроса: почему, будучи родственными исторически, страны Балтии, в особенности Литва и Латвия, пошли совершенно иным, нежели молодая Республика Беларусь, путем.

Структура книги вполне логична. Работа делится на пять глав, посвященных соответственно сравнительному анализу исторической памяти, политического строя, геополитического выбора, социально-экономической политики, а также отношениям между странами Прибалтики и Беларусью.

Наверное, для историка наибольшую ценность несет как раз первая глава. Она являет собой срез неких общих представлений и установок по отношению к историческим процессам Беларуси и Прибалтики, имеющих место внутри российского общества. Почему так? Опять же можно вспомнить публицистический характер работы.

Оригинальностью книги можно считать попытку автора не пересказывать известные всем факты из истории, а попытаться донести до широкой общественности подхо-

ды в интерпретации истории в Прибалтике и в Беларуси. Установкой работы является тезис об инструментальном характере исторического знания. В некоторых частях работы прямо говорится о характере истории как «исторической мифологии» [6, с. 22]. Поэтому здесь, скорее, разговор идет о влиянии исторических интерпретаций на политические реалии, нежели о развитии самой науки.

Схема анализа основных концептов исторической памяти достаточно проста и построена на контрастности тезисов. Если белорусы не вписали в свою национальную мифологию феодальное образование ВКЛ, то, к примеру, литовцы попытались сделать из феодального средневекового государства национальное, делая акценты на противостоянии ВКЛ и Московского государства. Понятно, что автор иллюстрирует подобные различия, чтобы продемонстрировать, как отражает интерпретация истории геополитический выбор. Фактически, показывая огромное количество манипуляций со стороны «исторических мифологов», Носович демонстрирует, как историческая область знания становится «повивальной бабкой» идеологии. Для автора отношение Беларуси и Литвы к памяти о ВКЛ «показывает отличие белорусской модели от восточноевропейского национализма» [6, с. 24].

Действительно, белорусская историческая наука, наверное одна из немногих в Восточной Европе, не подчинилась идеологическим установкам, а попыталась вырваться из них в постсоветский период. В частности, понимание национализма как относительно недавнего процесса, начавшегося в период оформления индустриального общества. Поэтому неудивительно, что в современной белорусской

историографии закрепились разделение между историческими формами белорусской государственности (Полоцкая Русь, ВКЛ, Речь Посполитая) и национальными (БНР, БССР, ЛитБел, РБ) [1, с. 7].

Использование же истории как идеологии характерно для так называемых негосударственных народов, пытающихся легитимировать собственное право на существование и самоопределение путем поиска корней. Однако нонсенсом оказалось то, что белорусы в принципе мало обращались к исторической легитимации своего существования. Если закрыть глаза на Вацлава Ластовского и Митрофана Довнар-Запольского, то легитимация права белорусов на самоопределение шла иным, нежели у соседей, путем. Белорусское движение родилось из горнил левореволюционных кружков и имело с самого первого дня собственного существования левый, социалистический характер, который и определил с первого дня аргументацию для белорусского самоопределения. Для иллюстрации можно привести один из первых текстов журнала «Гомон» за авторством православного белоруса Александра Марченко и шкловского еврея-мещанина Хаима Ратнера:

«Долой эксплуатацию, мы сами желаем управлять собой! Долой чужие руки, Белоруссия должна быть для белорусов, а не для чуждых элементов! Довольно нам подчиняться сильнейшим и ждать, куда они нас поворотят... Мы сами должны завоевать себе свободу, не возлагая надежды на других» [2, с. 47].

Эта цитата иллюстрирует именно особенности белорусского движения. Как было сказано выше, его автором являлись как белорус, так и еврей. Текст был написан

не по-белорусски, а по-русски. Из контекста видно, что под белорусами в нем понимаются не принадлежащие к одной этнической группе люди, а, скорее, жители единого края, объединенные общим социальным статусом и судьбой. Энтони Смит, анализируя природу и разнообразие различных национальных и антиколониальных движений, охарактеризовал их как коммунистические [8, с. 142]. Подобные же идеи развивал и белорусский советский историк Ефрем Иванович Корнейчик, именуя свой народ «белорусской социалистической нацией» [4, с. 231–283].

Прибалтийские же страны сделали ставку на исторические аргументации собственной легитимации, что, несомненно, привело к формированию различных форм мифологии, трансформирующих историческую науку из инструмента познания социальных процессов в ретроспективе в идеологический набор тезисов, целью которых стало обоснование существующей на сегодняшний день политики. Фактически прибалтийские страны этим самым отказали в рационализме собственным политическим решениям. Ведь если политическая аргументация настоящего выстраивается не из необходимости завтрашнего, а из иррациональных и ангажированных рефлексий прошлого, то встает вопрос об адекватности политики подобного государства.

Переходя к анализу национальных движений Беларуси и Прибалтики, автор старается стать психологом, найти те особенности позиций «будителей» (так Носович называет отцов национальных движений), которые и определили дальнейшее направление развития народа. Автор констатирует, что белорусское и прибалтийские национальные движения на первоначальном этапе имели практически

одинаковые стартовые возможности. Перед «будителями» стояли задачи оформления литературного языка и обоснования права своего народа на самоопределение. Носович достаточно много текста уделяет литовским и латвийским национальным деятелям, их творчеству и делает достаточно обоснованные выводы об этнографическом и историко-романтическом типе этих движений. [6, с. 35].

Часть же, посвященная анализу белорусского движения, к сожалению, у автора раскрыта слабо. Во-первых, А. Носович утверждает, что белорусы не нуждались в собственном национальном движении. Аргументом для этого выступает господство на государственном уровне в дореволюционной России концепции о «триедином русском народе» как о титульном, да и во многом привилегированном в империи [6, с. 36]. Данный тезис является достаточно спорным. После разделов Речи Посполитой белорусские земли, оказавшись в составе России, не претерпели сколь-либо значительных классовых трансформаций. Привилегированным сословием до самой революции 1917 г. являлась местная ополоченная шляхта, которая, несмотря на все так называемые «разборы» и ограничения в приобретении имущества (после восстаний 1830 и 1863 гг.), сохранила основные активы и продолжала эксплуатировать крестьян-белорусов. Даже такие сторонники концепции о «триедином русском народе», как Михаил Коялович, подчеркивали потребность изменения такого положения крестьян. Поэтому неудивительно, что в мировоззрении белорусов XIX века выявляется базовая неприязнь к «пану» (помещику) как общественному элементу, что и было закреплено позднее в требованиях белорусского движения [9, с. 174–194].

Во-вторых, концепция триединства русского народа сама по себе создавала проблемы для самой России. В частности, в сфере образования из-за отсутствия равноправного признания использования белорусского языка имелись большие затруднения в распространении грамоты на белорусских землях. Это признавала и сама царская власть, которая пыталась решить проблему путем издания учебников на белорусском. Такое решение было принято в 1860 г. под руководством А. Головнина. И уже к 1863 г. были подготовлены первые учебники «Разказов на белорусском наречии», которым, правда, так и не посчастливилось закрепиться в школьной программе из-за восстания 1863–64 гг. [5, с. 424–425].

В-третьих, белорусское движение в подавляющем большинстве не отказывалось признавать общие корни с русским и украинским народами. Для иллюстрации здесь можно привести цитату классика белорусской литературы Максима Богдановича:

«...рускіх народаў тры. Усе яны аднаго караню, але шмат часу жылі па асобку і так сталася з іх трырозных народф; у кожнага — сваё найменне, свая гаворка, свае звычаі, свае песні, свая вопратка.

Адзін рускі народ жыве пад Масквою і далі; завецца ён велікарускім. Другі жыве пад Кіевам і завецца ўкраінскім.

Мы — трэці народ рускага караню, завемся беларусамі, і старонка наша завецца Беларусь» [2, с. 52].

Понятно, что публицистическое издание направлено на массового читателя. Поэтому автор старался наиболее упростить повествование, приблизив его к схематизму. Однако данный схематизм привел к некоему нарушению восприятия национального движения белорусов, попытке при-

вязать это движение к неким лекалам. Однако особенности белорусского движения выделяют его из массы других. Оно строилось на принципах интернациональных, как это, может, ни странно и звучит. Главной его задачей являлось достижение политической субъектности для белорусского края с его богатым многонациональным составом. При этом субъектность Беларуси должна была строиться на социальных преобразованиях, прежде всего в отношении существующих привилегированных сословий, против которых выступало подавляющее большинство представителей белорусского движения.

Поэтому автору пришлось отказаться от достаточно сложного разъяснения особенностей национального движения массовому российскому читателю, не посвященному в белорусскую «кухню». Автор сделал акцент на так называемом краевом движении, которое фактически отождествил с белорусским. Однако краевое движение нельзя считать тождественным белорусскому. Оно отличалось по ряду параметров, в том числе таких существенных, как происхождение и доктрины его деятелей, видение земельного вопроса, решение национальной проблемы, а также само будущее белорусского края.

Краевое движение, в отличие от белорусского, в большинстве состояло из польскоязычных крупных дворян-помещиков, в основном католического вероисповедания, считавших себя наследниками культуры Великое княжество Литовское. Основным же элементом белорусского национального движения являлись крестьяне, которые вместе с рабочими и мещанами составляли порядка 44,2 % [3, с. 99].

Обедневшей шляхте, все же вливавшейся в белорусское движение, приходилось принимать его классовую доктрину

и де-факто отказываться от своего первоначального статуса. Здесь можно вспомнить опыт Франтишка Богушевича, который, будучи шляхетского происхождения, стал «мужицким адвокатом», защитником и просветителем для простого крестьянина-белоруса. Хлопоманство и дальнейшая денобелитация являлись условиями для перехода шляхты в белорусское движение.

Поэтому ни приводимый автором в пример белорусский активист Константин Скимунт, ни Эдвард Вайнилович не могут рассматриваться как часть белорусского движения. Более того, можно вспомнить трагическую смерть Скимунта, которую уготовили ему крестьяне в сентябре 1939 года.

Особое место в сравнительном анализе А. Носовича занимает межвоенный период 1920–1939 гг., когда историческая судьба развела белорусов и прибалтов «по разным квартирам». Молодые прибалтийские республики выбрали путь буржуазного и моноэтнического строительства своих государств. Беларусь же оформила свое существование в форме советской республики. Подобная разница наложила отпечаток на структуру двух обществ, а также их отношение к большевикам, выразившееся уже в момент перестройки.

Здесь любопытны интересные и оригинальные параллели, проведенные автором между белорусскими и прибалтийскими элитами. В странах Балтии даже коммунистические элиты были воспитаны и сформированы еще в межвоенный период буржуазной государственности. Из-за их немногочисленности союзному центру приходилось давать добро на сотрудничество с откровенными коллаборационистами и политическими авантюристами. Носович для иллюстрации

подобрал наглядный пример отца-основателя «Саюдиса» Витаутаса Ландсбергиса-Жямкальниса.

Белорусские же элиты не знали буржуазного национализма, формировались в горнилах достаточно тяжелых условий индустриализации и коллективизации, а позже и Великой Отечественной войны, что сделало их одними из самых преданных идее СССР, а страну — одной из самых консервативных в начале 1990-х гг.

И как итог А. Носович иллюстрирует разницу в эволюции элит и трансформации стран уже после распада СССР. При этом указываются парадоксы, имеющие место при восприятии стран региона. Вскрываются известные мемы и штампы наподобие «последней диктатуры Европы» и «прибалтийских тигров». Любопытным является проведенное сравнение национальной политики двух стран, выявление парадоксальных «демократических» институтов неграждан в Латвии и Эстонии, а также специфическое отношение к полякам Виленщины со стороны литовских властей.

Тема Виленского края, наверное, впервые была так широко озвучена в информационном пространстве России. Александр Носович посвятил ей отдельный параграф. Регион, узнаваемый большинством российского общества только благодаря вильнюсским кофейням и туристическому аттракциону средневекового замка в Тракае, автор рассмотрел через призму исторических и межнациональных перипетий. За исключением жителей Вильнюса, большинство населения региона составляют поляки, разговаривающие при этом больше на белорусско-русском смешанном говоре и с симпатией относящиеся к постсоветским интеграционным

объединениям. Автором приведены любопытные социологические данные среди населения Виленщины. 64,6 % литовских поляков заявило о позитивном отношении к Путину [6, с. 107]. Это является фактическим итогом формирования на Виленщине за годы советской власти так называемых «советских поляков» [6, с. 106].

Иная, нежели в Литве, ситуация с поляками также отмечена автором в Беларуси. Несмотря на попытки в середине 2000-х гг. использовать польские организации извне для «цветной революции» и как итог их раскол, польское меньшинство не преследуется за использование польского языка на указателях улиц. В этом автору видится фундаментальное отличие двух моделей. Если белорусская модель, скорее, строится на этатизме, то литовская пытается соединить этнонационализм в политико-идеологической сфере и либеральную рыночную модель в экономике. При этом автор ставит под сомнение тезис о демократичности прибалтийских республик, приводя ставшие уже хрестоматийными факты преследования по политическим мотивам, начиная с пресловутых дел Ермолавичуса и Бурокаявичуса и заканчивая делом Альгирдаса Палецкиса и особым отношением литовского Департамента государственной безопасности (ДГБ) к национальным меньшинствам.

Из политической модели и культурного выбора, по словам А. Носовича, вытекает и геополитическая ориентация, проблемам которой автор посвятил всю третью главу своей книги. В ней перечисляются все основные различия Прибалтики и Беларуси: от членства в международных организациях, до выбора себе союзника и форм взаимодействия в рамках этого союза.

Четвертая глава посвящена экономическим различиям между Прибалтикой и Беларусью, которые начинаются уже в формах собственности (70 % субъектов хозяйствования в Беларуси преимущественно государственные, а в Прибалтике — частные), структуры экономики (индустриальная белорусская — и с господствующей сферой услуг в Прибалтике) и будущих инвестиционных проектов. Носович делает вывод, что прибалтийской модели экономики так и не удалось реализовать хоть один значимый инвестиционный проект. Висагинская АЭС так и не была построена. Трансбалтийская магистраль осталась на бумаге. А промышленность и сельское хозяйство были фактически либо уничтожены, либо значительно ослаблены. На этом фоне самостоятельные попытки Беларуси сохранить и модернизировать советскую индустрию, а также вписаться в инвестиционные проекты Китая выглядят как достижения.

Особый интерес в книге представляет пятая глава. В ней Александр Носович анализирует использование западными НКО Прибалтики как плацдарма для трансформации власти в Беларуси. Не секрет, что после референдума 1996 года и геополитического выбора коллективный Запад начал относиться к Беларуси как к изгоя, «последней диктатуре в Европе». На фоне цветных революций, прокатившихся от Словакии до Кыргызстана в 1998–2005 гг., в отношении Беларуси организуются попытки использовать подобный сценарий для смены власти. Такие попытки можно было наблюдать в 2001, 2004, 2006 и 2010 гг. Активное участие в них приняли оппозиционные НКО, зарегистрированные в Литве. Автор приводит перечень основных институтов, нацеленных на эти цели: от пресловутых ЕГУ и различного рода западных фон-

дов до конкретных мероприятий, организуемых западными донорами в Прибалтике для продвижения «демократии» в Беларуси. Конечно, эти процессы заслуживают отдельного качественного научного исследования. Ведь даже для западных специалистов, продвигавших западные трансформации в Беларуси, стало ясно, что именно национальная идентичность и национальная политика белорусов оказалась главным препятствием для продвижения западной модели [7, с. 30–31].

Подводя итог, можно констатировать, что хотя книга Александра Носовича и не претендует на научную значимость и имеет некоторые шероховатости в части раскрытия глубины тем истории Беларуси и Прибалтики, их внутренней и внешней политики и экономики. Однако она открывает реальность Восточной Европы с непривычного, оригинального ракурса. Сегодня больше не известно работ по целостному сравнению путей Беларуси и стран Балтии. Поэтому работа А. Носовича может стать отправной точкой и хорошим заделом для более глубокого научного компаративного анализа стран региона.

Список источников и литературы

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў кан. XVIII — пач. XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя і інш.; рэдкал. А. А. Каваленя і інш. Мінск: Беларус. навука, 2011.
2. Государственность — национальная идея Беларуси / под ред. А. Гракович. М.: Книжный мир, 2016.
3. Казакевіч А., Асадчы А. Пачаць пісаць па-беларуску. Рэгіянальны і сацыяльны склад беларускага адраджэння, канец XIX —

- пачатак XX стагоддзя / Андрэй Казакевіч, Андрэй Асадчы // Палітычная сфера. Часопіс палітычных даследавання, 2011, № 1–2. С. 87–114.
4. Карнейчык Я. І. Беларуская нацыя. Гістарычны нарыс / Яфрэм Карнейчык. Мінск: Навука і тэхніка, 1969.
  5. Латышонак А. Нацыянальнасць — Беларус / Алег Латышонак. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2009.
  6. Носович А. А. Почему Беларусь не Прибалтика / Александр Александрович Носович. М.: Алгоритм, 2017. 272 с.
  7. Сіліцкі В. Доўгая дарога ад тыраніі: посткамуністычны аўтарытарызм і барацьба за дэмакратыю ў Сербіі і Беларусі / Віталь Сіліцкі; рэд. Алесь Лагвінец. Смаленск: Інбелкульт, 2015.
  8. Сміт Э. Нацыяналізм у XX стагоддзі / Энтані Сміт; пер. з англ. С. Нагорнага; пад рэд І. Бабкова, У. Рагойшы. Мн., 1995.
  9. Чернявская Ю. В. Белорусы. От «тутэйшых» — к нации / Юлия Чернявская. Мн: ФУАинформ, 2010.

Попель Р. И.

Рецензия: [Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / редкол.:

Д. В. Гулецкий [и др.]. Минск, Москва, 2015–2018. Т. 5.]

Навуковая серыя зборнікаў “Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики” (коратка “Русь. Литва. Орда” ці РЛО) была заснавана ў 2015 г. [1; 2; 3; 4; 5]. Рэдактарамі першага выпуска зборніка выступілі беларускі нумізмат і калекцыянер з Мінска Дзмітрый Гулецкі і ўкраінскі даследчык з Харкава Юрый Зайанчкоўскі. Першапачаткова зборнік аб’яднаў працы аўтараў з чатырох краін — Беларусі, Расіі, Украіны і Літвы, у наступных выпусках публікаваліся таксама аўтары з іншых краін. З 2015 да 2018 г. было выпушчана пяць зборнікаў серыі “Русь. Литва. Орда”, прычым першы, другі і чацвёрты выпускі маюць стандартны змест, а трэці і пяты зборнікі з’яўляюцца спецвыпускімі, што будзе падрабязней разгледжана далей. Кожны выпуск зборніка прысвечаны якому-небудзь вядомаму даследчыку ў галіне нумізматыкі, сфрагістыкі і іншых спецыяльных гістарычных дысцыплін.

Акрамя прама заяўленых у назве серыі нумізматыкі і сфрагістыкі, у зборніках “Русь. Литва. Орда” шырока прадстаўлены даследаванні пломбаў, можна сустрэць таксама артыкулы па геральдыцы, гістарычнай архітэктуры, а таксама па іншым дысцыплінам. У зборніках актыўна публікуюцца не толькі прадстаўнікі акадэмічнай навукі па прфільных

дысцыплінах, але і нумізматы, сфрагісты і іншыя калекцыянеры-аматары, што не маюць адпаведнай гістарычнай, археалагічнай ці культуралагічнай адукацыі. Разам з тым, як і зазначаецца ў прадмове да другога зборніка серыі, многія з іх з’яўляюцца вопытнымі і нават прызнанымі спецыялістам, якія знаходзяцца ў пастаянным кантакце з прафесіяналамі [2, с. 7]. Тут жа рэдактарамі зборніка паднімаецца і яшчэ адна істотная праблема. Ад імя аўтараў прама заяўляецца, што ў зборніках серыі РЛО фіксуюцца і вывучаюцца артэфакты, якія ўведзены ў навуковы абарот як у выніку афіцыйных археалагічных раскопак, так і з дапамогай неафіцыйнага прыборнага пошуку. Гэта тлумачыцца важнасцю ўвядзення ў навуковы абарот артэфактаў як гістарычных крыніц па-за залежнасцю ад таго, як яны былі знойдзены.

Зазначым, што праблема суадносін і ўзаемаадносін афіцыйнай, прафесійнай археалогіі і непрафесійных аматараў раскопак і пошуку гістарычнай даўніны сапраўды востра стаіць і актыўна дыскутуецца зараз як у Беларусі, Украіне і Расіі, так і ў іншых краінах усходееўрапейскага рэгіёну. Прыклад гэтаму — хаця б увядзенне ў Беларусі ў апошнія гады заканадаўства, што ўзмацняе адказнасць для так званых “чорных капальнікаў”. Аднак пры ўсёй праблематычнасці стаўлення да падобнай дзейнасці непрафесійных аматараў трэба адзначыць, што ў яе выніку вялікая колькасць гістарычных і археалагічных артэфактаў аказваецца проста выключанай з хоць якога-небудзь навуковага абароту і рызыкуе з вялікай доляй верагоднасці ніколі не стаць вядомай для навуковага даследавання. У гэтай сітуацыі магчымасць публікацыі ў сур’ёзных выданнях падобных здабытых неафіцыйным

шляхам артэфактаў дазваляе ўключыць іх у навуковы абарот і актыўную прафесійную дыскусію. Гэта, канешне, ніяк не апраўдае дзеянняў “чорных капальнікаў”, але дае магчымасць не страціць для навукі і грамадства мноства каштоўных гістарычных крыніц. У гэтым сэнсе можна ўсё ж у агульным пагадзіцца з мэтай, што была абвешчана аўтарамі серыі “Русь. Литва. Орда”: “зафіксаваць максімум інфармацыі пра знаходку і ўвесці яе ў навуковы абарот” [2, с. 7].

Сярод трох прыгаданых у назве серыі гістарычных рэгіёнаў найбольшая колькасць артыкулаў прысвечана гісторыі розных земляў Старажытнай Русі, але сустракаюцца таксама і матэрыялы, што непасрэдна закранаюць розныя аспекты гісторыі Залатой Арды, а таксама Вялікага Княства Літоўскага да XVI ст. уключна. Міжнародны характар серыі падцвярджаецца і тым, што асобныя зборнікі друкаваліся як у Мінску, так і ў Маскве. Зборнікі маюць лагічную і простую для ўспрыняцця структуру і забяспечаны сур’ёзнай колькасцю даведачнага матэрыялу — ілюстрацый, табліц і дыяграм, а таксама змяшчаюць неабходную сістэму спасылак і навуковага цытавання. Усе зборнікі серыі маюць добрую якасць друку і дапоўнены вялікай колькасцю дастаткова якасных — хоць і чорна-белых — ілюстрацый (фатаграфій і прамалёвак) нумізматычнага матэрыялу і іншых артэфактаў. Пры гэтым патрэбна адзначыць, што ўсе з пяці зборнікаў серыі выходзілі вельмі невялікім накладам і ў продажы маюць высокі кошт, што робіць іх не вельмі добра даступнымі для ўсіх зацікаўленых прафесіяналаў і аматараў падобнай тэматыкі. Гэта абумоўлена, відавочна, фінансавымі і тэхнічнымі магчымасцямі выдаўцоў, што, зрэшты, не з’яўляецца рэдкай з’явай для выданняў такога роду.

Актуальнасць і неабходнасць такой серыі, як “Русь. Литва. Орда”, не выклікае сумненняў. У такой вузкасפעцыялізаванай сферы, як нумізматыка ды іншыя спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны, звычайна існуе дастаткова невялікая колькасць перыядычных навуковых выданняў, таму з’яўленне новай падобнай серыі не можа не быць заўважаным навуковай супольнасцю. Пры гэтым калі шэраг падобных навуковых зборнікаў і часопісаў існуе ў Расіі (хаця б вядомая з савецкіх часоў “Нумизматика и эпиграфика”) і ва Украіне (напрыклад часопіс “Нумизматика і фалеристика”), то ў Беларусі такіх выданняў фактычна няма. Адзіным на дадзены момант падобным прыкладам у Беларусі можа стаць зборнік навуковых артыкулаў перыядычных Навуковых чытанняў памяці В. Н. Рабцэвіча шч Мінску “Studia Numismatica Albaruthenica”. Але з 2011 г. выйшла пакуль толькі два яго нумары. У гэтых умовах “Русь. Литва. Орда” удала заняла сваю нішу не толькі сярод навуковых выданняў Беларусі, але і іншых краін Усходняй Еўропы, і хутка знайшла сваіх чытачоў.

Першы зборнік серыі “Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики” [1] быў надрукаваны ў Мінску, ды прысвечаны памяці доктара гістарычных навук, вядучага навуковага супрацоўніка Лабараторыі гісторыі Візантыі і Прычарнамор’я ў Сярэдня вякі А. Л. Панамарова (1957–2014). Выданне ўтрымлівае дваццаць пяць артыкулаў, большая частка якіх прысвечана нумізматыцы — дваццаць тры матэрыялы. Найбольшую групу з іх складаюць матэрыялы па нумізматыцы і грашовому абарачэнню Русі да XVI ст. У якасці прыклада назавем артыкулы С. Гаглова і Г. Цітова “Портретные” монеты Василия Дмитриевича Московского”,

а таксама І. Волкава “Монеты Семёна Владимировича Боровского начала второго десятилетия XV в.” Сур’ёзнае месца ў зборніку адведзена і матэрыялам па нумізматыцы Залатой Арды. Прыгадаем хаця б артыкул вядомага ўкраінскага даследчыка фальшэрства манет А. Бойка-Гагарына “Кустарные подделки монет Золотой Орды”. Тры артыкулы прысвечаны нумізматыцы Вялікага Княства Літоўскага. Гэта матэрыялы Д. Гулецкага і А. Ціунчыка пра даследаванне стахастычных уласцівасцяў вагі віленскіх паўгошаў Аляксандра Ягелончыка, вядомага літоўскага даследчыка Э. Іванаўскаса па гісторыі манет Літвы ў 1495–1536 гг., а таксама гісторыяграфічны артыкул па нумізматыцы ВКЛ канца XV — першай паловы XVI стст. члена Беларускага нумізматычнага таварыства з Гродна А. Карача.

Сфрагістыцы ў выданні прысвечана два артыкулы. Гэта матэрыял І. Жукава пра віслыя пячаткі полацкага князя Рагвалода Васіля і яго жонкі княгіні Аліны (XII ст.), а таксама сумесны артыкул І. Жукава і Д. Гулецкага пра віслую пячатку пронскага князя Івана Уладзіміравіча. У агульным адчуваецца, што зборнік арыентаваны на публікацыю матэрыялаў двух тыпаў: вялікіх артыкулаў даследчага характара і матэрыялаў-паведамленняў пра адкрыццё новых нумізматычных і сфрагістычных артэфактаў. Сур’ёзным аказаўся і агульны аб’ём матэрыялаў зборніка — амаль 290 старонак.

Другі зборнік серыі РЛО прысвечаны памяці рускага гісторыка і нумізмата, загадчыка аддзела нумізматыкі Дзяржаўнага Эрмітажа А. А. Ільіна (1858–1842) [2]. Ён быў выдадзены ў 2016 г. у Маскве. Гэты выпуск серыі аказаўся больш аб’ёмным у параўнанні з першым, яго памер складае 364 старонкі. Зборнік утрымлівае дваццаць тры навуковыя артыку-

лы, з якіх дзевятнаццаць даследуюць праблемы нумізматыкі. Так, у артыкуле І. Волкава даследуюцца манеты Івана Барысавіча Ніжагародскага другога дзесяцігоддзя XV ст., П. Горбань разглядае новыя знаходкі ўсходніх манет XIV–XVI стст. на тэрыторыі Беларусі і г.д. Сфрагістыцы прысвечаны толькі адзін артыкул — “Об атрибуции вислых печатей Полоцкого княжества XI–XII вв.” пастаяннага аўтара серыі І. Жукава Яшчэ па аднаму артыкулу прысвечана праблемам геральдыкі Смаленскага княства і вывучэнню таварных пломбаў Даніі, а таксама свінцовых пломбаў з-пад летапіснага Друцка. У другім зборніку серыі РЛО упершыню ўводзяцца рубрыкі “Дапаўненні” і “Паведамленні”. У “Дапаўненнях” прадстаўлены ўдакладненні да трох артыкулаў па нумізматыцы, што былі апублікаваны ў першым зборніку серыі, аўтарства А. Карача, І. Волкава і Ф. Ярмолава з суаўтарамі. У рубрыку “Паведамленні” вылучаны кароткія інфармацыйныя матэрыялы пра знаходкі новых артэфактаў і адкрыццё новых тыпаў манет і пячатак. Тут прадстаўлена пяць паведамленняў па нумізматыцы і адно па сфрагістыцы.

Трэці том зборніка “Русь. Литва. Орда” выйшаў у 2017 г. у Мінску [3]. Гэта першы ў дадзенай серыі спецвыпуск, які атрымаў назву “Русь дамангольская”. Як мы ўжо заўважылі, і ў першых двух выпусках серыі найбольшай была колькасць матэрыялаў па нумізматыцы і сфрагістыцы Старажытнай Русі, на другім месцы па колькасці — даследаванні па манетам і грашоваму абароту Арды, вывучэнню нумізматыкі ВКЛ адводзілася значна меншая колькасць артыкулаў. У дадзеным жа выпадку рэдактарамі было вырашана выпусціць наогул асобны том, які б змяшчаў матэрыялы па эпохе гісторыі Русі IX–XIII стст. Пры гэтым у зборніку размешчаны артыкулы

па нумізматыцы не толькі Русі, але і Нарвегіі і Волжскай Булгарыі адпаведнага перыяду. Прысвечаны зборнік памяці Л. В. Аляксеева (1921–2008) — гісторыка і археолага, буйнога спецыяліста па гісторыі Полацкага княства і тапаграфіі старажытнага Віцебска. Агульны аб’ём зборніка складае 200 старонак.

Трэці зборнік серыі РЛО змяшчае адзінаццаць паўнавартасных артыкулаў, з якіх пытанні нумізматыкі закранаюць тры. Гэта матэрыялы С. Гаглова пра бязлюдзкі скарб манет X ст., яго ж артыкул у суаўтарстве з А. Галяміхавым пра манетны чакан Волжскай Булгарыі X ст., а яшчэ каталог срэбных пенінгаў караля Нарвегіі Олава I (995–1000) аўтарства А. Пятрова. Артыкулаў, у якіх даследуюцца пытанні сфрагістыкі, у дадзеным зборніку два, ў якіх вывучаюцца пломбы — тры. Праблемы эмблематыкі закранае артыкул І. Сарокіна “К атрыбуцыі личных княжеских знаков Рюриковичей второй половины XI в.». Новай рысай трэцяга тома серыі РЛО стала з’яўленне ў ім матэрыялаў па архітэктуры Старажытнай Русі, што значна пашырае заяўленую тэматыку серыі. Так, В. Маркаў прадставіў артыкул з даследаваннем гісторыі Барысаглебскіх сабораў Смаленска і Чарнігава, а таксама жыцця і дзейнасці іх будаўнікоў. Ён жа з’яўляецца аўтарам артыкула пра гісторыю царквы Параскевы Пятніцы ў Смаленску ў кантэксце акалічнасцяў жыцця Пятніцкага канца гэтага горада ў XII–XIII стст. У рубрыцы “Паведамленні” прадстаўлены адзін матэрыял пра новыя знаходкі візантыйскіх манетаў IX–XI стст. на тэрыторыі Бранскай вобласці Расіі.

Чацвёрты выпуск серыі РЛО убачыў свет у Маскве ў тым жа 2017 г. [4]. Выпуск быў прысвечаны памяці вядомай да-

следчыцы сярэднявечнай нумізматыкі доктара гістарычных навук М. П. Сотнікавай (1930–2016). Дадзены зборнік апынуўся самым аб’ёмным з усёй серыі: ён займае 440 старонак. Дарэчы, рэцэнзентам чацвёртага, а потым і пятага тому серыі “Русь. Литва. Орда” выступіў украінскі навуковец-нумізмат, вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага музея гісторыі Украіны А. Бойка-Гагарын. У зборніку рэдактары вярнуліся да структуры першага тома серыі — публікацыя матэрыялаў без вылучэння асобных рубрык. У агульным у дадзеным выпуску размешчана дваццаць шэсць матэрыялаў па нумізматыцы, пераважна Русі да XVII ст., а таксама ардынскай і крымскататарскай. Так, І. Жукаў разбіраецца ў атрыбуцыі віслых пячатак князя Аляксандра Яраславіча Неўскага (1228–1263), І. Шталеянкаў разглядае срэбныя грыўны са збораў Нацыянальнага музея ў Варшаве і г.д. Сфрагістычнай тэматыцы прысвечана тры матэрыялы. Тут хацелася б асабліва адзначыць смелую спробу атрыбуцыі актавых пячатак першага вядомага полацкага князя (ды і наогул, бадай што першага дакладна вядомага па імю чалавека ў беларускай гісторыі) Рагвалода, што А. Пятроў і Д. Гулецкі прадстаўляюць у артыкуле, які адкрывае дадзены зборнік.

Пяты том серыі “Русь. Литва. Орда” быў выпушчаны ў Мінску ў 2018 г. Гэта другі ў серыі спецвыпуск, ён мае назву “Сфрагістычны зборнік” [5]. Па традыцыі выпуск прысвечаны памяці вядомага навукоўца. У дадзеным выпадку гэта М. П. Ліхачоў (1862–1936) — спецыяліст у галіне сфрагістыкі і крыніцазнаўства. Матэрыялы па сфрагістыцы стабільна прысутнічалі ў чатырох папярэдніх выпусках серыі. Аднак яны былі прадстаўлены ў значна меншай ступені ў параўнанні з даследаваннямі па нумізматыцы. Відавочна,

што рэдактары вырашылі выправіць гэты “недахоп” праз выданне асобнага тома па дадзенай тэматыцы. У пятым томе серыі РЛО змешчана чатыры артыкулы па сфрагістыцы Старажытнай Русі XI–XII стст., а таксама тры артыкулы па свінцовым пломбам Полацкай, Чарнігаўскай, Смаленскай земляў XI–XII стст. Як і ў папярэдніх зборніках серыі, у пятым томе выказваюцца цікавыя дыскусійныя меркаванні наконт атрыбуцыі сфрагістычных артэфактаў. Так, у гэтым рэчышчы інтарэс выклікае сумесны артыкул Д. Гулецкага і М. Ярашэўскага, дзе на памежжы сфрагістыкі і эмблематыкі ажыццяўляецца спроба атрыбуцыі свінцовых пломбаў з уладнай сімволікай Рурыкавічаў на падставе знаходкак апошніх гадоў на тэрыторыі Украіны. Тут жа аўтары прапануюць сваю версію атрыбуцыі пломбаў Святаполка Ізяславіча і яго папярэднікаў падчас іх праўлення ў Тураўскім княстве. Змяшчае зборнік упершыню і адзін англамоўны артыкул. У канцы зборніка знаходзіцца бібліяграфічны спіс публікацый расійскага спецыяліста ў галіне сфрагістыкі І. А. Жукава за 2009–2018 гг. Агульны аб’ём выдання складае 212 старонак.

Серыя “Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики” з’яўляецца ґрунтоўным выданнем навуковых даследаванняў па спецыяльным гістарычным дысцыплінам. Не будзе перабольшваннем сказаць, што яна ў многім працягвае добрую традыцыю выпуску змястоўных зборнікаў профільнай тэматыкі накіраванай той жа “Нумизматики и эпиграфики”. Няма сумненняў, што серыя РЛО знайшла немалую колькасць чытачоў — як прафесіаналаў, так і аматараў — і надалей будзе прыцягваць да сябе значную цікавасць, тым больш, што рэдактарамі анансаваны далейшы працяг серыі.

Бібліяграфічны спіс

1. Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / Д. В. Гулецкий, Ю. В. Зайончковский. Том 1. Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2015. 292 с.
2. Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / редколл.: Д. В. Гулецкий, Ю. В. Зайончковский [и др.]. Том 2. Москва, 2016. 364 с.
3. Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / Д. В. Гулецкий. Том 3: Спецвыпуск «Русь домонгольская». Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2017. 200 с.
4. Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / редколл.: Д. В. Гулецкий, Ю. В. Зайончковский, Г. А. Титов (ответственный секретарь) [и др.]. Том 4. Москва: РИА Внешторгиздат, 2017. 440 с.
5. Русь. Литва. Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / редколл.: Д. В. Гулецкий, Н. А. Дорошкевич. Том 5: Спецвыпуск «Сфрагистический сборник». Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2018. 212 с.

Герасимчик В. В.

Рецензия: [Фірыновіч А. Э. Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск: Беларус. навука, 2013. 315 с.]

Паўстанне 1863–1864 гг. з’яўляецца адной з найбольш праблемных і супярэчлівых тэмаў у беларускай гістарычнай навуцы. Інтэнсіўнасць яе вывучэння ў апошнія гады значна вырасла, аб чым сведчыць як колькасць разнастайных публікацый і кніг [1, 7, 8, 18], так і наяўнасць дысертацыйных даследаванняў [5, 14]. Аднак, на жаль, яны, за рэдкім выключэннем, практычна не пашырылі даследчае праблемнае поле і ўвага гісторыкаў у асноўным канцэнтруецца на ўжо і так добра распрацаваных пытаннях. У гэтым плане сярод таго, што з’явілася ў 2010-х гг. выдзяляецца манаграфія кандыдата гістарычных навук Алены Сакольчык (Фірыновіч), выдадзеная ў 150-ю гадавіну паўстання 1863–1864 гг. на падставе абароненай у снежні 2011 г. кандыдацкай дысертацыі па тэме “Дакументальныя матэрыялы па гісторыі паўстання 1863–1864 гг. у архівасховішчах Беларусі”.

У кнізе прааналізаваны працэс фарміравання дакументальнага корпусу публікацый па гісторыі 1863–1864 гг., дадзеная класіфікацыя і відавая характарыстыка прысвечаных паўстанню ненадрукаваных крыніц, якія знаходзяцца ў беларускіх архівасховішчах. На падставе аналізу колькаснага складу выкарыстаных даследчыкамі гістарычных дакументаў па тэматыцы, аўтарка прыйшла да наступнай высновы: “...патэнцыял мясцовых архіваў выкарыстаны недастаткова. Таму

лагічным і навукова неабходным з'яўляецца паглыбленае вывучэнне дакументальнай базы беларускіх архівасховішчаў і яе інфармацыйных магчымасцяў у раскрыцці праблемы” (с. 5).

Манаграфія складаецца з уводзін, трох главаў, заключэння і дадаткаў, якія займаюць 2/3 усяго аб'ёма выдання.

Ва ўводзінах робіцца важная заўвага пра “фрагментарнае засваенне дакументальных рэсурсаў” даследчыкамі (с. 4). Прычына таму, па меркаванню А. Фірыновіч, — залежнасць “ад вядучых метадалагічных падыходаў у гістарычнай навуцы і ад палітычных рэалій”, якія за апошнія 150 гадоў істотна змяняліся (с. 33). Як следства — наяўнасць дыяметральна супрацьлеглых пазіцый ва ўспрыманні паўстання 1863–1864 гг. у беларускай гісторыі: “ад поўнага ігнаравання падзеі да вызначэння яе як апорнага пункта ў нацыятворчых працэсах беларускага народа” (с. 33). Прычым вялікай праблемай з'яўляецца рэпрэзентатыўнасць базы крыніц, на якія абапіраюцца даследчыкі, выбарачны падыход да папярэдніх публікацый па тэме, мемуараў сучаснікаў падзей і інтэрпрэтацыя “Мужыцкай праўды” “згодна з асабістымі палітычнымі перакананнямі” (с. 31). Акрамя палітызаванасці тэмы, перашкодамі ў даследаванні паўстання А. Фірыновіч бачыць у абмежаванасці працаў “адным відам крыніц, матэрыяламі аднаго архіва, аднаго або некалькіх фондаў”, “урывачнае цытаванне, вырыванне з агульнага кантэксту” (с. 43).

Таму Алена Фірыновіч бачыць лагічнай неабходнасць у стварэнні падрабязнай базы крыніц па тэме, у першую чаргу за кошт матэрыялаў, прадстаўленых у беларускіх архівасховішчах. Менавіта тут варта шукаць адказы на пытанні, якія даследчыца называе найбольш спрэчнымі ў беларускай гістарычнай навуцы па дадзенай тэматыцы, а менавіта: а) са-

цыяльны склад паўстанцкага руху; б) ідэйная платформа і матывы кіраўнікоў; в) рэгіянальная спецыфіка паўстання і яе праявы ў беларуска-літоўскіх губернях Расійскай імперыі” (с. 4). У гэтым з даследчыцай варта пагадзіцца, паколькі ў іншым выпадку асэнсаванне паўстання і яго ўплыву на далейшы ход гісторыі Беларусі немагчымы.

У першай главе “Гістарыяграфія праблемы і крыніцы даследавання”, якая складаецца з дзвюх частак — “Гістарыяграфічны агляд” і “Крыніцы даследавання” — Фірыновіч вылучае пяць храналагічных этапаў развіцця базы крыніц публікацый па гісторыі паўстання 1863–1864 гг., яе відавую напаяўняльнасць, узровень распрацаванасці, і, што найбольш істотна, уплыў на канцэптуальнае асвятленне тэмы.

Усплёскі актыўнасці ў даследаванні паўстання 1863–1864 гг. А. Фірыновіч звязвае з юбілейнымі датамі, прыкладам чаму служаць выдадзеныя зборнікі дакументаў, якія характарызаваліся аднабаковасцю ў выкладанні [2, 3, 6, 9, 11]. Важнейшым этапам у даследаванні паўстання сталі 1960-я гг., калі сумеснымі высілкамі польскіх і савецкіх гісторыкаў былі складзеныя пяць зборнікаў дакументаў з цэнтральных архіваў СССР, Польшчы, Літоўскай ССР і БССР. Аднак, як адзначае Фірыновіч, у выданні “Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии” [4] “з 278 надрукаваных крыніц 191 адзінка (68,7 %) узята з ЦДА Літоскай ССР. З ЦДГА БССР (г. Мінск) — толькі 8 адзінак (2,8%), з ЦДГА БССР (г. Гродна) — 33 дакументы (11,8 %)” (с. 19). Пры гэтым важнейшымі праблемамі сталі адбор дакументаў і нераўнамернае асвятленне падзей. Напрыклад, на Ковенскую губерню прыходзіцца 55 дакументаў, на Гродзенскую — 35, на Віцебскую — толькі 13. На жаль, такая дыспрапорцыя стала значнай перашкодай

для раскрыцця тэмы, адклаўшы адбітак на працы гісторыкаў на наступныя паўстагоддзі.

Усяго, да 2013 г., як адзначае Фірыновіч, расійскімі дарэвалюцыйнымі і савецкімі гісторыкамі, а таксама сучаснымі беларускімі было выпушчана 10 зборнікаў дакументаў і матэрыялаў, прысвечаных паўстанню. Да іх у 2014 г. дадаліся яшчэ два выданні [12, 15]. Але з 2341 дакумента пра падзеі ў беларуска-літоўскім рэгіёне, прадстаўленыя ў іх, толькі 295 (12,6 %) належаць уласна беларускім архівам. Астатнія паходзяць з архіваў Польшчы, Літвы, Расіі і Украіны (с. 34). Як вынік — на сённяшні дзень у архівах Беларусі знаходзіцца “вялікая колькасць невыкарыстаных дакументальных матэрыялаў, што адрозніваюцца арыгінальнасцю, навізнай і грунтоўнасцю ў выкладзе фактаў” (с. 35). На жаль, імкненне падвесці ўсё пад адну зразумелую схему-мадэль як у часы Расійскай імперыі, так і СССР прывяло да стэрэатыпнага ўспрымання рэгіянальнай спецыфікі.

У манаграфіі разглядаюцца тэматычныя калекцыйныя зборы, прысвечаныя паўстанню, з пяці беларускіх архіваў: Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, НГАБ у г. Гродна, АДДзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Цэнтральнага навуковага архіва НАНБ, Беларускага дзяржаўнага архіва музея літаратуры і мастацтва.

Стан дакументальнага комплексу аб падзеях паўстання 1863–1864 гг. у сучаснай беларускай гістарыяграфіі Алена Фірыновіч характарызуе наступным чынам: 1) “гісторыкі сталі часцей абаярацца на першакрыніцы, корпус якіх значна пашырыўся дакументамі беларускіх архіваў. Публікацыі адрозніваюцца комплексным выкарыстаннем дакументаў

рознага паходжання (унутранага і знешняга), адміністрацыйнага ўзроўню (губерні, павета, воласці), рознай сістэмы справаводства (ваеннай, дыпламатычнай, судова-следчай), галаснасці (сакрэтнай і несакрэтнай), што паўплывала на разгляд асноватворных аспектаў (сацыяльнага, рэлігійнага, узроставага, прафесійнага) праблемы з улікам спецыфікі беларуска-літоўскага рэгіёну); 2) структура крыніц па спосабе фіксацыі дапоўнілася графічна-выяўленчымі матэрыяламі і фотадакументамі; 3) інтэнсіўны прагрэс міждысцыплінарных падыходаў, асабліва выкарыстанне матэматычных мадэляў і колькасных метадаў, дазволіў найбольш аптымальна і карэктна выкарыстоўваць масавыя тэматычныя дакументы (разнастайную дакументацыю ўліку — паліцэйскую, гарадскую, сеольскую статыстыку). Гэта станоўча адбілася на распрацоўцы гісторыі рэпрэсій і палітыкі дэпартацыі; 4) усведамленне гісторыкамі навуковай важнасці першакрыніц паслужыла імпульсам для інтэнсіфікацыі аналізу калекцый і месц іх захоўвання. Выдання асобных дакументаў, зборнікаў і мемуараў. Напаўняльнасць калекцый па змесце і відах тыповымі. Трафарэтнымі і індывідуальнымі дакументамі з беларускіх архіваў павялічыла яе не толькі колькасна. Але і абумовіла тэматыку даследчых напрамкаў” (с. 24–26).

Другая глава манаграфіі называецца “Класіфікацыя і відавая характарыстыка матэрыялаў беларускіх архівасховішчаў па гісторыі паўстання 1863–1864 гг.”. Даследчыца выдзяляе два комплексы выяўленых пісьмовых тэматычных матэрыялаў: дакументальны, прадстаўлены 21 відам, і апаведальны, які складаецца з 11 відаў. Асобным пунктам пададзена характарыстыка выяўленчых матэрыялаў, падзеленых на тры віды. Аб’яднанне дакументаў у групы дазваляе лепш прасачыць іх

узаемасувязі і “крыніцазнаўчы аналіз сабранай калекцыі тэматычных дакументаў з беларускіх архівасховішчаў дэманстрые іх унікальнасць у якасці гістарычнай крыніцы ў рэканструкцыі падзей 1863–1864 гг. на беларуска-літоўскіх землях” (с. 77). Усяго выяўлены даследчыцай корпус крыніц па паўстанню 1863–1864 гг. складаецца з 713 адзінак захоўвання ці 1341 асобнага дакумента (с. 105). Для палягчэння працы з імі быў створаны банк даных, прадстаўлены ў форме табліцы, якая займае 196 старонак кнігі. Гэтая частка манаграфіі ўяўляе ледзь не найбольшую цікавасць, паколькі “мае важнае значэнне для перспектывы іх выкарыстання айчыннымі і замежнымі даследчыкамі” (с. 41). Аднак, варта падкрэсліць, што багацці беларускіх фондасховішчаў па тэматыцы паўстання 1863–1864 гг. далёка не абмяжоўваюцца толькі гэтым 1341 дакументам, або 8 адзінкамі выяўленчых матэрыялаў, пра якія ўзгадвае аўтарка. Напрыклад, у Гродзенскім дзяржаўным гісторыка-археалагічным музеі захоўваецца альбом з 90 фотаздымкамі асобаў, датычных да паўстання 1863–1864 гг., пры чым у манаграфіі Алены Фірыновіч змешчаныя тры выявы з гэтага альбома. Большая колькасць і асобна ўзятых крыніц. Да таго ж даследчыца зазначае, што “справаздачная дакументацыя ў комплексе арыгінальных крыніц НГАБ у г. Гродне прадстаўлена толькі адной губернатарскай справаздачай. Насамрэч, іх больш, прыкладу гадавой справаздач з дзейнасці Гродзенскай ваенна-следчай каміі [10].

У гэтай частцы манаграфіі прыводзіцца шмат цікавых фактаў. Напрыклад, пра створаны 2 кастрычніка 1862 г. так званы “Заходні камітэт”, які займаўся пошукам шляхоў прадухілення распаўсюджвання хваляванняў на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай. На адным з паседжанняў абмяр-

ковалася магчымасць “осторожно поддерживать взаимное нерасположение крестьян к помещикам”, “Быстрое учреждение сельских школ, на основаниях, обеспечивающий не только поддержание, но и распространение русской народности” (с. 48). Даецца тлумачэнне, чаму з’яўляюцца цыркуляры пад грыфам “сакрэтна”: яны былі скіраваныя супраць прадстаўнікоў польскай народнасці і рымска-каталіцкага духавенства, афіцыйнае пацверджанне чаго магло толькі пагоршыць становішча ў краі і стаць падставаю для росту далейшага супраціву (с. 49).

Трэцяя глава называецца “Інфармацыйны патэнцыял базы крыніц беларускіх архівасховішчаў у вывучэнні гісторыі паўстання 1863–1864 гг. на тэрыторыі Беларусі: перспектывыныя накірункі даследавання”. Сярод апошніх А. Фірыновіч называе:

— фарміраванне нарматыўна-прававой базы палітыкі ўрада Расійскай імперыі і яе рэалізацыя на беларуска-літоўскіх землях у 1860-я гг.;

— адносіны да рэалій 1863–1864 гг. розных сацыяльных груп, а менавіта службоўцаў, жанчын, вучнёўскай моладзі (с. 78).

Даследчыца падае магчымыя накірункі разгляду акрэсленых тэмаў, сярод якіх найбольш цікава ў кнізе выглядаюць нарысы ролі жанчын і службоўцаў у паўстанні. А. Фірыновіч у некалькіх артыкулах ужо спынялася на “жаночым фактары” у паўстанні [17], адзначыўшы: “У беларускай і замежнай гісторыяграфіях няма спецыяльных прац, якія б асвятлялі zaangażаванасць жанчын у падзеях 1863–1864 гг.” (с. 28). Гэтая тэма сёння выглядае вельмі перспектывуна, пра што сведчаць прыклад даследаванняў польскіх гісторыкаў, якія выпусцілі

адпаведную першую спецыяльную працу [13], якая можа паслужыць прыкладам і для беларускіх даследчыкаў.

А. Фірыновіч на прыкладах паказвае разнастайныя формы антыўрадавай дзейнасці, якія былі характэрныя для жанчын, службоўцаў і вучнёўскай моладзі, заангажаваных у перадапаўстанцкім і паўстанцкім руху. А таксама робіць выснову, што “генералізацыя звестак выяўленага комплексу крыніц аб удзеле жанчын, службоўцаў і гімназістаў у падзеях 1863–1864 гг. ставіць пад моцнае сумненне замацаваныя ў гістарычнай навуцы дарэвалюцыйную (дваранска-клерыкальную) і свецкую (сялянска-рабочую) канцэпцыі ў ацэнцы паўстання 1863–1864 гг. Факталагічны патэнцыял вылучаных дакументальных матэрыялаў сведчыць аб тым, што кола ўдзельнікаў паўстання было значна шырэйшым” (с. 101).

Кніга Фірыновіч мае вялікае значэнне для беларускай гістарычнай навукі, акрэсліваючы не толькі яе “дакументальны капітал”, але і вылучэннем шэрагу накірункаў для яго далейшага назапашвання і развіцця. Гэта тым больш важна, што пасля выхаду кнігі А. Смірнова ў 1963 годзе [16] да сённяшняга часу ў Беларусі адсутнічаюць фундаментальныя манаграфіі па гісторыі паўстання 1863–1864 гг.

Бібліяграфічны спіс

1. Быхаўцаў М. Паўстанне 1863 года і Ваўкавышчына. Гродна, 2014. 344 с.
2. Виленский временник. Ч. 2: Переписка по военным действиям с 10 января 1863 г. по 7-е января 1864 г. / сост.: А. И. Миловидов. Вильна: Губернская типография, 1915. С. XV.

3. Віткоўскі Я. Паўстаньне 1863 году і расійскі рэвалюцыйны рух пачатку 1860 гадоў (Спроба параўнання праграм і дзейнасьці паводле падпольных выданняў). Кн. 3. Мінск: Беларус. АН, Польшкі сектар, 1931. 169 с.
4. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии: сб. док. / редкол: В. Дьяков, В. Жиголов, Ю. Жюгжда. М.: Наука, 1965. 586 с.
5. Глазурын С. Я. Паўстанне 1863 года ў Віцебскай і Магілёўскай губернях. Аўтарэфэрат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2017. 24 с. Режим доступа: <http://www.vak.org.by/node/3720> [Электронный ресурс]. — Дата доступа: 3.08.2018.
6. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия / под общ. ред. А. А. Платонова (Подерей). Мінск: Беларусь, 1988. 208 с.
7. Матвейчык Д. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. Мінск, 2013. 122 с.
8. Матвейчык Д. Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск, 2016. 735 с.
9. Муравьев М. Н. Сборник распоряжений Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западной губернии 1863–1864 / сост.: Н. Цылов. Вильна: Типография А. К. Киркора, 1866. 383 с.
10. НГАБ у г. Гродна. Ф. 3, воп. 1, спр. 32. Годовой отчет военно-следственной комиссии по уездам Гродненской губ. Пачата: 1863 г. На 101 арк.
11. Паўстаньне 1863 года: «Мужыцкая праўда» і «Лісты з-пад шыбеніцы» / тэксты і камент. Я. Запруднік, Т. Э. Бэрд. Нью-Ёрк: Фундацыя ім. П. Крэчэўскага, 1980. 71 с.
12. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Мінск: А. В. Варахін, 2014. С. 418.
13. Postawy i aktywnosc kobiet w czasie Powstania styczniowego 1863–1864 (na tle polskich konspiracji I dzialalnosci powstanczej

- doby zaborowej) / pod redakcja Teresy Kulak, Joanny Dufurat, Moniki Piotrowskiej-Marchewy. Wrocław, 2013. 276 s.
14. Серак Е. В. Ссылка в Сибирь уроженцев Беларуси после восстания 1863–1864 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск, 2016. 27 с. Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/151132/1/k_Serak.pdf [Электронный ресурс]. — Дата доступа: 3.08.2018.
  15. Следча-судовая справа Кастуся Каліноўскага. Мінск, 2014. С. 66.
  16. Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963. 393 с.
  17. Фірыновіч А. Роля жанчын у паўстанні 1863–1864 гг. на тэрыторыі Беларусі. Паводле матэрыялаў беларускіх архіваў // Arche. 2011. № 12. С. 79–86.
  18. Швед В. В. Рэквіем паўстанцам 1863–1864 гг. Гродзенская губерня / В. В. Швед. Мінск: Альфа-кніга, 2017. 312 с.

СТАТЬИ

Барабаш В. В.

Советско-польская граница в дипломатической борьбе между СССР и польским эмигрантским правительством в период Второй мировой войны

В статье рассматривается советско-польский территориальный вопрос, который был одним из самых острых в отношениях между «большой тройкой» (лидерами СССР, США и Великобритании) в годы Второй мировой войны. На трудах по дипломатической истории белорусских, российских и польских авторов в статье раскрываются факторы, оказывавшие влияние на постепенное решение (удовлетворение советской позиции) этой проблемы.

Ключевые слова: дипломатия, антигитлеровская коалиция, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Польша.

Вопросы, связанные с формированием советско-польской границы в период Второй мировой войны, нашли отражение как в отечественной, так и в зарубежной, прежде всего — польской, историографии. В условиях политико-идеологической конфронтации в послевоенные десятилетия историческая литература СССР и ПНР была призвана аполлетически освещать внешнеполитический курс Советского Союза и преимущественно в негативном плане представлять деятельность польского эмигрантского правительства. Отдельные документы, которые публиковались, подверга-

лись тщательной селекции. Наряду с этим следует признать сравнительно высокий научный уровень ряда изданий, которые существенно расширили представление о процессе формирования советско-польской границы в 1939–1945 гг. [3, 7, 14, 15, 16, 18, 24, 25; 31; 39].

Весомый вклад в исследование темы, ввиду свободы от идеологического диктата, сделан представителями западной историографии, включая и польской эмиграции [19; 23; 27; 34; 38]. Однако многие работы данного направления также отличает сознательная тенденциозность. Неся на себе отпечаток «холодной войны», они огульно очерняют международную политику СССР в период Второй мировой войны.

Коренной перелом в исследовательских возможностях для отечественных и польских историков наступил на рубеже 1980–1990-х гг. в результате процесса демократизации общества. С освобождением от идеологизации науки и расширением доступа к закрытым прежде архивным источникам происходит переоценка многих событий XX века. В опубликованных за последние десятилетия документах и научных исследованиях предложена несравненно более масштабная и достоверная история советско-польских отношений в 1939–1945 гг., в контексте которых нашла отражение борьба за советско-польскую границу [20; 21; 22; 32; 33].

Значительный вклад в изучение дипломатической истории антифашистской коалиции внесли российские исследователи. Написанные на богатом материале неизвестных ранее документов отечественных и зарубежных архивов, работы О. А. Ржешевского [9; 10], М. Ю. Мягкова [6], В. О. Печат-

нова [8] и других помогают глубже разобраться в эволюции политики великих держав и механизме принятия решений по формированию государственно-территориального устройства послевоенной Европы.

В трудах историков Республики Беларусь нашли отражение лишь отдельные аспекты интересующей темы. В. Е. Снапковским [12; 13], Г. Г. Лазько [5], С. Н. Хомич [17], А. Ф. Великим [1] определение советско-польской границы рассматривается как одна из самых сложных проблем в отношениях держав антигитлеровской коалиции.

Серьезной проблемой для исследователей остается еще недоступность многих архивных, прежде всего советских источников.

Цель данной статьи — представить основные этапы, методы и результаты борьбы между СССР и польским эмигрантским правительством в процессе формирования советско-польской границы в 1939–1945 гг.

Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. коренным образом изменило существовавшую систему международных отношений в Европе. В результате краха Польского государства и соглашений с Германией была установлена новая западная граница СССР. Тайный протокол советско-германского договора от 23 августа 1939 г. предусматривал прохождение границы вдоль рек Писса, Нарев, Висла, Сан. Первоначально вынашивались также планы допустить существование «остатка Польши». Однако по инициативе Москвы наступило новое разграничение сфер влияния. В результате советское руководство отказалось от Люблинского воеводства, а также части Варшавского, расположенного по правой стороне Вислы. Взамен Германия передала СССР

Литву. Мотивы советского правительства были продиктованы прежде всего политико-стратегическими целями. В случае установления границ на Висле было бы трудно обосновать вхождение части центральной Польши в состав Украины и Беларуси. Польская проблема в виде сохранения небольшого государственного образования могла стать предметом разногласий между Советским Союзом и Германией. С другой стороны, включив в свой состав Литву, СССР овладел всеми прибалтийскими республиками и отодвинул на этом участке границу с Германией значительно на юг [21, с. 20].

После согласования деталей, 28 сентября 1939 г., был заключен договор «О дружбе и границе». Установленная граница между Германией и СССР не имела этнографического обоснования. На участке между Бугом и Восточной Пруссией пограничная линия разделяла территории с польским населением. В последующее время советские власти старались отождествить ее с т. н. линией Керзона. Данное ошибочное утверждение иногда можно встретить и в современной литературе. В действительности граница СССР была выдвинута на запад от линии Керзона на разных участках от 10 до 150 км [21, с. 25–26].

Для решения вопросов по установлению новой государственной власти на присоединенных территориях в октябре 1939 г. были избраны народные собрания Западной Украины и Западной Беларуси. Народные собрания приняли обращения с просьбой о вступлении Западной Украины и Западной Беларуси в состав СССР и о включении их соответственно в состав УССР и БССР. В ноябре 1939 г. Верховный Совет СССР и Верховные Советы УССР и БССР удовлетворили их просьбу. В результате осуществленных мероприятий ру-

ководство СССР обосновывало легитимность своей западной границы не на основе договора с Германией от 1939 г., а итогами плебисцита, к которому приравнивались выборы народных собраний Западной Украины и Западной Беларуси.

Проигранная война и оккупация территории не стали концом Польского государства. Сразу после поражения Польши польские политики во Франции предприняли деятельность по восстановлению и легализации высшей государственной власти. 30 сентября 1939 г. было сформировано новое правительство Польской Республики (ПР) во главе с В. Сикорским [27, s. 81–82].

В столицах союзников Польши, в Париже и Лондоне участие СССР в разделе Польского государства, наряду с заявлением советского правительства о нейтралитете в войне, вызвало сдержанные оценки. Принималось во внимание, что СССР окончательно не перешел на сторону Третьего рейха. Опасаясь военной мощи Германии, западные политики не хотели ухудшать отношений с Советским Союзом, поэтому считали неразумным провоцировать его резкими демаршами. Готовность Великобритании пойти на уступки в пользу СССР проявилась во время визита министра иностранных дел польского эмигрантского правительства А. Залесского в Лондон в октябре 1939 г. Представители английского правительства дали ему ясно понять, что не намерены вести борьбу за земли, расположенные на востоке от линии Керзона, которая была предложена Великобританией на Парижской мирной конференции в 1919 г. [18, s. 95; 25, cz. 1, s. 144].

В подобном тоне были сформулированы официальные декларации французского правительства [25, cz. 1, s. 144].

Следовательно, западные политики не считали границы Рижского договора 1921 г. незыблемыми. В политических кругах Парижа и Лондона уже осенью 1939 г. начали подчеркивать значение этнографического критерия в определении будущих советско-польских рубежей.

Позиция польского эмигрантского правительства в данном вопросе весь рассматриваемый период оставалась неизменной. Выступая за возрождение Польши в границах 1939 г., оно отвергало исторический акт воссоединения белорусского и украинского народов. Совет министров ПР выражал протесты СССР, оспаривая правовую силу заключаемых договоров, проводимых мероприятий, касавшихся территориальных и других преобразований на бывших польских землях.

15 августа 1940 г. польским правительством были приняты программные тезисы внешней политики. Относительно бывших польских территорий, отошедших к СССР, инструкция утверждала: «Настоящие границы советской оккупации не имеют этнографических оснований и якобы освободительных, а исключительно империалистические». Главным условием нормализации отношений между Польшей и Советским Союзом должно было стать возвращение к советско-польской границе до сентября 1939 г. [31, s. 176–178]. В этом направлении — добиваться однозначной поддержки тезиса о нерушимости рижской границы — проводилась деятельность на международной арене.

В документах и выступлениях польских политиков часто повторялись и развивались концепции об исторической и мессианской роли Польши, прививавшей на протяжении нескольких сот лет на белорусских и украинских землях

«христианскую и западную цивилизацию, достижения которой сейчас хотят уничтожить большевики» [25, cz. 1, s. 142, 145].

Молниеносная победа Гитлера над Францией в июне 1940 г. внесла существенные коррективы в систему международных отношений. Становилось совершенно очевидным, что Германия в меньшей мере нуждалась в нейтралитете СССР. Советское руководство начало пересматривать свою позицию в обеспечении безопасности страны. В то же время Великобритания в противостоянии с рейхом стремилась любой ценой привлечь СССР на свою сторону, если не сразу, то в дальнейшей фазе войны. С этой целью в Москву был направлен послом С. Криппс. Приняв в начале июля 1940 г. нового английского посла, Сталин, в частности, заявил ему, что Советский Союз не допустит, чтобы в результате ведущейся войны было восстановлено довоенное равновесие сил в Европе. Это звучало почти как условие, без которого улучшение отношений между СССР и Великобританией было невозможно. Сталин придерживался линии, что война должна привести к возвращению геополитических позиций, которыми обладала Россия до 1914 г. Такое изменение статуса Советского Союза сопровождалось его новой ролью в Восточной Европе, основанной на отношениях зависимости от Москвы государств региона, и в первую очередь крупнейшего из них — Польши [4].

Осенью 1940 г. английское правительство выдвинуло СССР важные предложения по улучшению отношений между обоими государствами. В документе, представленном Криппсом 22 октября, взамен за столь же благожелательный, как к Германии, нейтралитет Москвы английская сторона

готова была консультироваться с советским правительством по всем вопросам, касавшимся послевоенной системы в Европе и Азии. Но прежде всего британское руководство считало возможным признать де-факто западные границы СССР, в том числе и с Польшей. Это было первым предзнаменованием согласия Лондона на овладение Советским Союзом территориями, присоединенными в 1939–1940 гг. [2, т. 23, кн. 1, с. 701–705].

Ввиду появившейся в английской прессе информации о том, что правительство Его Королевского Величества сделало Москве какие-то политические предложения, Залеский в специальном письме от 21 ноября 1940 г. обратился с запросом по этой проблеме к главе Форин-офиса Э. Галифаксу. В ответной ноте Галифакса от 27 ноября 1940 г. заявлялось, что Великобритания не имеет намерения признавать каких-либо территориальных изменений до окончания войны и принимает во внимание только временную ситуацию, основанную на фактическом положении вещей, которое невозможно ни оспаривать, ни игнорировать [29, с. 40; 34, р. 78–79].

Усилия польской дипломатии изменить политику английского правительства в отношении СССР успеха не имели. При весьма слабой в тот период позиции в мире Великобритания должна была считаться с интересами Польши, однако силы, которыми располагал Сикорский, были слишком незначительными для политической игры.

Таким образом, в начальный период Второй мировой войны (1939–1941 гг.) СССР были заложены основы для утверждения своих интересов в Восточной Европе. Впервые Советский Союз получил их признание со стороны одного

великого европейского государства — Германии и подобную перспективу в будущем от другого — Великобритании.

После нападения Германии на СССР в 1941 г. одной из важнейших стратегических задач советского руководства стал поиск союзников для совместной борьбы с агрессором. В формировавшейся системе антигитлеровской коалиции актуальным вопросом становилось восстановление официальных отношений между советским и польским эмигрантским правительствами. Однако с самого начала между сторонами выявились серьезные противоречия. В ходе переговоров в Лондоне в июле 1941 г. премьер Сикорский добивался восстановления будущей советско-польской границы согласно Рижскому договору 1921 г. Советский посол И. М. Майский настаивал на том, что новые рубежи должны быть установлены на основе этнографического критерия [27, s. 184].

Подписанный 30 июля 1941 г. советско-польский договор признавал утратившими силу соглашения между СССР и Германией 1939 г., касавшиеся территориальных изменений в Польше. С другой стороны, в договоре отсутствовали обязательства Советского Союза восстановить границы до сентября 1939 г. [3, т. 7, с. 208]. В результате вопрос был оставлен открытым.

Неурегулирование проблемы границы усилили противоречия накануне и в ходе визита Сикорского в Москву в декабре 1941 г. Из-за разногласий спорные вопросы вновь были отложены в подписанной 4 декабря 1941 г. декларации о дружбе и взаимной помощи [3, т. 7, с. 257].

Очевидно, что заключенные в 1941 г. соглашения с СССР трактовались польским правительством как результат чрезвычайных и временных обстоятельств. Предполагалось, что

после войны Германия и Советский Союз будут значительно ослабленными. Это даст возможность западным союзникам играть ведущую роль в политическом устройстве Восточной Европы.

Проблема границы обсуждалась и во время последовавших во второй половине декабря 1941 г. в Москве переговоров с министром иностранных дел Великобритании Э. Иденом. Сталин настаивал на признании рубежей 1941 г. Возражения Идена основывались на положениях англо-американской Атлантической хартии от 14 августа 1941 г., что все вопросы об изменении границ в период войны следует отложить до мирной конференции. В итоге было решено вернуться к проблеме позже [16, т. 1, с. 188–197].

Существует мнение, что во время наиболее тяжелого положения для Красной армии на фронте в 1941 г. правительство Сикорского могло добиться уступок от советского руководства по территориальному спору, тем более что Великобритания и США располагали еще козырями в виде поставок снабжения для СССР. Однако в тот период союзники всеми силами старались поддержать волю Москвы к сопротивлению. Нет никаких сведений, чтобы в самой драматической военной ситуации Сталин переступил границу уступок, которые были бы нацелены на жизненные интересы его державы. У британских переговорщиков в декабре 1941 г. сложилось впечатление, что советский лидер был глубоко уверен в полном разгроме Германии и будет трудно отговорить его от т. н. концепции безопасных стратегических границ [9, с. 30].

Мотивы поведения дипломатии западных союзников были не только вопросом принципов, но прежде всего тактики,

которая могла корректироваться в изменяющихся обстоятельствах. В 1941 — начале 1942 г. английский премьер-министр У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт выступали за отложение рассмотрения проблем границ в Европе на послевоенный период [22, s. 272–273; 33, s. 184]. Их позиция начала изменяться весной 1942 г., когда ухудшилось военное положение западных союзников в Северной Африке и в Тихом океане. Лидеры Великобритании и США считали, что в условиях распространения международного конфликта (экспансии Японии) не следует идти на риск ослабления связей с СССР. Не исключалась вероятность заключения советско-германского сепаратного мира. На этой основе вопрос гарантий для польской восточной границы становился все более второстепенной проблемой. С марта 1942 г. Черчилль высказывался уже в пользу удовлетворения территориальных интересов СССР [39, s. 127]. Эволюция в позиции США нашла проявление на встрече Рузвельта с советским послом М. М. Литвиновым 12 марта 1942 г. Американский президент заверил, что «по существу у него нет никаких расхождений» с правительством СССР по советским западным границам [6, с. 76].

В то же время после победы над вермахтом под Москвой советская позиция становилась все более жесткой. Сталин реализовывал план, согласно которому Лондону, ввиду невозможности удостоверить свои союзнические обязательства по открытию второго фронта в Европе, предлагалось содействовать укреплению взаимоотношений политическими средствами. Отправной точкой в заключении советско-английского военного союза должно было стать признание западных границ СССР, на которых он подвергся нападению

в 1941 г. [24, с. 179]. Максимальной победой польской дипломатии при поддержке западных союзников стало тогда отклонение данного постулата Москвы. Дискуссии на лондонских переговорах завершила инструкция Сталина, высланная главе советской делегации В. М. Молотову 24 мая 1942 г.: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. ... Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой» [10, с. 122–123]. В результате договор СССР и Великобритании от 26 мая 1942 г. не содержал упоминания о советско-польской границе [16, т. 1, с. 237–240].

Ради сохранения бывших восточных рубежей Польского государства правительство Сикорского (в частности, в постановлении от 7 октября 1942 г.) было готово даже отказаться от присоединения ряда территорий на Западе: Вроцлава, Щецина и выхода к Одре [24, с. 251–252]. Исходя из того, что бывшей границе Польши и СССР придавалось принципиальное значение, программа возрождения западных территорий отодвигалась на второй план.

В то же время в защиту своих рубежей 1941 г. СССР была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания в мире. Признавая в конце 1942 г. нереальным что-то ей серьезно противопоставить, посол Польши в США Е. Цехановский ограничился протестами, направленными американскому президенту и Госдепартаменту [37].

Активно реагировала польская дипломатия на выход в странах западных союзников различных изданий, где, по ее мнению, искаженно представлялся территориальный ста-

тус современной Польши. В памятной записке польского правительства от 24 июня 1942 г. была выражена озабоченность в связи с опубликованием в Великобритании «Атласа СССР», содержавшего карты, где территории Польши были включены в состав Советского Союза. Это расценивалось как оспаривание принципа нерушимости границ Польского государства на 1 сентября 1939 г. [30].

Издание в США атласа с картой территории СССР, на которой отсутствовала Польша, в 1942 г. вызвало энергичное противодействие здесь посольства ПР проявлениям, как ему виделось, советского влияния на местное общественное мнение. Посол Цехановский поднимал этот вопрос на нескольких встречах у заместителя госсекретаря С. Уэллеса. Письма с протестами Цехановский направил руководству издательства атласа и фирмы, его финансировавшей, а также дал распоряжения консулам ПР в США, чтобы они конфиденциально побудили к подобным обращениям сообщества местной польской диаспоры. Предпринятые усилия принесли определенные успехи. В начале 1943 г. Цехановский сообщал своему правительству, что в новой редакции атласов появилось Польское государство в довоенных границах [35; 36].

Советская сторона также не оставляла без внимания появлявшиеся на Западе издания, которые содержали информацию, не соответствовавшую ее постулатам. Официальный протест Москвы был выражен правительству ПР после выхода в Лондоне польского календаря на 1942 г., где Вильно и Львов были указаны как польские города. В заявлении советского правительства признано оскорбительным выражение, использованное в отношении территорий, вошед-

ших в состав СССР как «районы, оккупированные Россией в 1939 г.» [30].

На рубеже 1942–1943 гг. советско-польские отношения вступили в стадию кризиса. Усилилась «война нот», а также полемика на страницах печати, касавшаяся главным образом проблемы границы и гражданства. В ноте польскому посольству от 16 января 1943 г. советское правительство заявило, что поляки, которые находились на территории Советского Союза, лишались польского гражданства и становились гражданами СССР [3, т. 7, с. 342–343]. Это явилось отходом от советско-польских соглашений 1941 г.

С целью разрешения противоречий с Москвой по инициативе Сикорского начался ряд переговоров с советским руководством посла в СССР Т. Ромера. На встрече со Сталиным и Молотовым, состоявшейся 26 февраля 1943 г., произошел обмен мнениями по проблеме границы. Ромер заметил, что вопрос о переходе в 1939 г. польских территорий к Советскому Союзу решался без участия польского правительства. На что Сталин возразил: «Но в решении этого вопроса принимали участие украинский и белорусский народы». Аргументация советского лидера сводилась к тому, что «если считать, что украинский и белорусский народы имеют право на свое государство, то осенью 1939 г. произошло воссоединение украинского и воссоединение белорусского народов. Украинцы и белорусы — не поляки. Советский Союз не присоединил к себе никаких польских провинций. Все польские провинции отошли к Германии» [11].

Прошедшие переговоры не принесли какого-либо серьезного позитивного результата. Стороны не отступили от прежде занимаемых позиций.

Для спасения ситуации польское правительство искало поддержки у Великобритании и США. Сикорский призывал Черчилля и Рузвельта оказать давление на СССР. Выдвигалось предложение, чтобы они предприняли обращения к Москве в пользу постулатов польского правительства о границе и гражданстве и даже пригрозили в случае отказа прекращением для СССР поставок по ленд-лизу. Такие заявления, по мнению Сикорского, значительно бы усилили его позицию на переговорах с СССР. Пожелания польского премьера были отклонены. Американский госсекретарь К. Хэлл заметил: «Ни президент, ни я ни на минуту не соглашались на такие предложения. Соединенные Штаты, Великобритания и Россия находились в одной лодке, которая закачалась бы и могла затонуть в результате разлада государств, вместе боровшихся против общего врага. Наши поставки по ленд-лизу России помогали для перелома и уничтожения сил неприятеля на Восточном фронте, которые в противном случае стали бы против нас на Западном фронте» [25, сз. 1, s. 259–260].

Ошибочно преувеличивая возможности США и Великобритании, Сикорский в то же время не заметил масштаба нарастающей силы СССР. Однако расчеты на помощь западных союзников все меньше оправдывали себя. Лондон и Вашингтон в целом начинали принимать точку зрения советского руководства по его спорным проблемам с Польшей. Во время визита Идена в США 12–30 марта 1943 г. стороны пришли к неформальному соглашению по проблемам Центральной и Восточной Европы, включая вопрос советско-польской границы. Глава Форин-офиса придерживался позиции присоединения к СССР территории Польши до линии Керзона.

Рузвельт одобрил проекты Идена, утверждая, что только три великие державы: США, Великобритания и СССР — должны решать вопрос о восточных границах Польши. Согласившись с советскими территориальными требованиями, признали, что их размеры должны быть определены в будущем. Принятые двусторонние установки остались засекреченными и не были представлены польской стороне [21, s. 101; 26, s. 194–195]. Вместе с тем о результатах вашингтонских переговоров Иденом был поставлен в известность советский посол Майский [16, т. 1, с. 367–373].

Лондон и Вашингтон считали возможным принять за основу сложившееся положение, но оставить пока открытыми для обсуждения вопросы точного прохождения советско-польской границы.

Отношения между СССР и польским правительством неуклонно приближались к разрыву. Поводом для их прекращения послужил т. н. «Катынский вопрос». Когда правительство Сикорского обратилось за разъяснением в связи с обнаружением немцами Катынского расстрела польских военнопленных офицеров, руководство СССР использовало это как предлог для разрыва с ним 25 апреля 1943 г. официальных отношений. Сталин избавился от «неудобного» союзника и полностью завладел инициативой в решении польской проблемы.

Обращения Сикорского к Черчиллю и Рузвельту с призывом оказать давление на СССР не имели результата. Для Великобритании самой важной проблемой становилось создание условий для возвращения власти в освобожденной Польше демократическому правительству с прозападной ориентацией. Черчилль придерживался мнения, что необхо-

димо уступить в вопросе границ и стремиться к восстановлению советско-польских отношений после соответствующей «реконструкции» польского правительства.

Принимая в принципе точку зрения английского премьера, США медлили с обнаружением собственной позиции. Рузвельт не хотел настроить против себя мнение пятимиллионной американской польской диаспоры перед предстоявшими в 1944 г. президентскими выборами [32, s. 255].

Сближение позиций союзных держав обусловило беспрепятственное согласование проблемы будущей советско-польской границы на высшем форуме в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. За ее основу была принята линия Керзона [14, т. 2, с. 146–151]. Таким образом, тегеранские переговоры закончились полным успехом Сталина. Советский лидер реализовал цели, принятые в августе 1939 г. В новой политической ситуации территориальные завоевания СССР, достигнутые в период союза с Германией, получили международную поддержку. Потеря Белосточкины была компенсирована более ценным геополитическим приобретением — северной частью Восточной Пруссии. Тегеранские договоренности по вопросу границ являлись рубежом, закончившим этап переговоров определенными политическими решениями. Не оформленные в виде международного договора, они, в принципе, предрешили позднейшие соглашения союзных держав.

В связи с переходом 3 января 1944 г. Красной армией бывшей советско-польской границы Совет Министров ПР 5 января опубликовал заявление. В нем подтверждались нерушимые права Польши на независимость, освященные принципами Атлантической хартии и действовавшими меж-

дународными договорами. Положения этих соглашений, являвшихся выражением не превосходства одной стороны в ущерб другой, а добровольного их согласия, — по мнению авторов, — не могли быть изменены путем свершившихся фактов. Своей позицией в ходе этой войны польский народ показал, что он не признавал и не признает решений, навязанных силой [3, т. 8, с. 14–15].

Заявление правительства Миколайчика начало обмен мнениями между советской и польской сторонами. В ответ на него последовало заявление руководства СССР от 11 января 1944 г., в котором повторялся тезис об установлении советско-польской границы в соответствии с волеизъявлением населения, выраженным в ходе выборов народных собраний в 1939 г. При этом в данном заявлении Москва впервые публично высказалась, что готова пойти на некоторые уступки в территориальном споре. В документе утверждалось: «Советское правительство не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона, которая была принята в 1919 году Верховным советом союзных держав и которая предусматривает вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза» [3, т. 8, с. 21–22].

В целом следствием Тегеранской конференции явилось серьезное ослабление позиции польского правительства, с июля 1943 г. возглавляемое С. Миколайчиком. Оно было вынуждено сопротивляться не только советским террито-

риальным притязаниям, но и усиливавшемуся в этом вопросе британскому давлению. Упорствуя, польский премьер убеждал руководство Великобритании, что исходным пунктом переговоров должна стать рижская граница, а не линия Керзона. Иначе это ужесточит советские территориальные притязания. Польша не могла выйти из войны меньшей, чем она была в 1939 г. Решение же всей проблемы должно основываться на обмене населением, а не территорий [21, s. 116; 33, s. 317]. В качестве компромисса 15 февраля 1944 г. Советом Министров ПР был представлен проект демаркационной линии, проходившей на востоке от Вильно и Львова. Администрация территорий на западе от этой линии передавалась польскому правительству, а на востоке — советским органам власти с участием третьего контролирующего органа союзников [33, s. 327].

Миколайчик вынужден был действовать под давлением устремлений, исходящих преимущественно из трех различных центров: Лондона, Москвы и подпольной Варшавы. Позиция большинства краевых польских политиков ставила Миколайчика в очень сложное положение, связывая ему руки в вопросе возможных переговоров с Москвой. Политические и военные круги подпольной Польши не отступали от доктрины двух врагов: Германии и СССР, не верили в возможность плодотворного сотрудничества с последним. Передачу западных земель Польше руководители подполья считали не «эквивалентом» восточных провинций, а возвращением ее некогда захваченных территорий. В сложившейся обстановке Миколайчик добивался отсрочки окончательного решения спора о границе до завершения военных действий и созыва мирной конференции [19, s. 271].

При жесткой позиции польского правительства Черчилль решил вынудить его к уступкам под давлением парламента и британского общественного мнения. 22 февраля 1944 г. в своей речи в палате общин Черчилль заявил: «Освободить Польшу могут теперь российские армии, которые потеряли миллионы людей, уничтожая немецкую военную машину. Мне не представляется, чтобы российский постулат обеспечения безопасности западных границ переходил то, что является благоразумным или правильным» [25, cz. 1, s. 375–376]. В выступлении в парламенте Черчилль впервые открыто заявил об отходе от принципа непризнания изменений довоенных границ.

Вместе с тем западные союзники не прекращали посреднической деятельности. По инициативе Лондона и Вашингтона в августе 1944 г. возобновились переговоры между советским и польским эмигрантским правительствами. В качестве компромиссного варианта будущей границы кабинетом Миколайчика вновь был предложен проект демаркационной линии, проходившей на востоке от Вильно и Львова. Последнюю попытку отстоять этот проект, ссылаясь на поддержку Рузвельта, польский премьер предпринял во время своего второго визита в Москву в октябре 1944 г. Но здесь неожиданно он был поставлен в известность, что на встрече в Тегеране Черчилль и Рузвельт дали согласие на линию Керзона [3, т. 8, с. 274, 283]. В ходе дальнейших переговоров 16 октября Миколайчик под давлением британцев согласился принять линию Керзона за основу для будущей границы. Однако, вернувшись в Лондон, он не встретил поддержки у большинства членов правительства и сложил с себя полномочия премьера [25, cz. 2, s. 72, 80–81].

Образованный 29 ноября 1944 г. новый кабинет министров Т. Арцишевского, неизменно занимал прежнюю позицию по территориальному вопросу, но уже потерял какое-либо влияние на его решение [25, cz. 2, s. 81–82].

Осознавая, что польское эмигрантское правительство не отступит от своих постулатов, Сталин для реализации своих целей активно вводил в действие т. н. «левицовую альтернативу» — поддержку в завоевании власти в Польше подконтрольных СССР политических сил. Сразу после образования Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО) с ним было подписано 27 июля 1944 г. соглашение о советско-польской границе, проходившей по линии Керзона [3, т. 8, с. 156–157]. Предварительное соглашение с ПКНО стало основой окончательного установления границы между Польшей и СССР, несмотря на продолжавшиеся переговоры между тремя великими державами. Это был типичный для Сталина метод жестко и последовательно реализовывать свою политику путем свершившихся фактов.

На Ялтинской конференции 1945 г. глав СССР, США и Великобритании соглашение об установлении советско-польской границы было принято официально и с этого момента стало необратимым. В соответствии с ним западные рубежи Советского Союза должны были пройти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от 5 до 8 километров в пользу Польши [14, т. 4, с. 251].

Окончательно решения Ялтинской конференции были подтверждены в итоговых положениях Потсдамской конференции 1945 г. [14, т. 4, с. 458–459], а также зафиксированы в договоре между СССР и просоветским Временным

Правительством Национального Единства ПР, подписанном 16 августа 1945 г. [3, т. 8, с. 541–542].

Таким образом, в период Второй мировой войны развернулась жесткая борьба между СССР и польским эмигрантским правительством за формирование советско-польской границы. Ведущая роль в борьбе с фашистской коалицией позволила СССР реализовывать свою программу государственно-территориального переустройства в Восточной Европе. В соответствии с ней были определены и советско-польские рубежи.

Список литературы

1. Вялікі А. Ф. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах 1944–1959 гг. / А. Ф. Вялікі. Мінск: БДПУ, 2010. 248 с.
2. Документы внешней политики СССР: в 25 т. М., 1957–2010. Т. 22–24 / редкол.: В. Г. Комплектов и др. М.: Международные отношения, 1992–2010. Т. 23, кн. 1: Январь — октябрь 1940 / редкол.: Г. Э. Мамедов [и др.]. 1995. 752 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / под ред. И. А. Хренова и В. Т. Ковальского. М.: Наука, 1963–1985. Т. 7: 1939–1943 гг. 1973. 510 с.; Т. 8: Январь 1944 г. — декабрь 1945 г. 1974. 680 с.
4. Дурачинский Э. Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы / Э. Дурачинский // Война и политика, 1939–1941 / отв. ред: А. Чубарьян и Г. Городецкий. М.: Наука, 2000. С. 59–60.
5. Лазько Р. Р. Пытанне аб «рыжскай граніцы» ў англа-польска-савецкіх адносінах (верасень 1939 — ліпень 1941 гг.) / Р. Р. Лазько // Великая победа: героизм и подвиг народов: ма-

- териалы междунар. науч. конф., Минск, 28–29 апреля 2005 г.: в 2 т. / редкол.: А. М. Литвин (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2006. Т. 2. С. 66–70.
6. Мягков М. Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945 / М. Ю. Мягков. М.: ИВИ РАН, 2006. 278 с.
  7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. М.: Политиздат, 1989. 2 т.
  8. Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки / Печатнов В. О. М.: Терра. Книжный клуб, 2006. 752 с.
  9. Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941–1942) / О. А. Ржешевский. М.: Наука, 1997. 288 с.
  10. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль / О. А. Ржешевский. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 336 с.
  11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354.
  12. Снапкоўскі, У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі 1944–1945 гг. / У. Снапкоўскі. Мінск: Беларуская навука, 1997. 207 с.
  13. Снапкоўскі У. Міжнародныя аспекты вызначэння савецка-польскай мяжы ў 1943–1945 гг. / У. Снапкоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 3. С. 9–14.
  14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. док. в 6 т. / под ред. А. А. Громыко. М.: Изд. политич. литературы, 1984. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). 175 с.; Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). 302 с.; Т. 6: Берлинская (Потсдамская)

- конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). 511 с.
15. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. М.: Политиздат, 1984. 2 т.
  16. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. М.: Политиздат, 1983. 2 т.
  17. Хомич С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. Минск: Эконопредс, 2011. 416 с.
  18. Batowski H. Z dziejów dyplomacji polskiej na obczyźnie (wrzesień 1939 — lipiec 1941). Kraków — Wrocław: Wyd. Literackie, 1984. 454 s.
  19. Ciechanowski J. Powstanie Warszawskie. Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego / J. Ciechanowski. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1984. 534 s.
  20. Duraczyński E. Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne / E. Duraczyński. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. 636 s.
  21. Eberhardt P. Polska granica wschodnia. 1939–1945 / P. Eberhardt. Warszawa: Editions spotkania, 1993. 224 s.
  22. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X–XX w.): w 5 t. / pod. red. W. Michowicza. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1999. T. 5. 845 s.
  23. Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945 od Wersalu do Jałty / J. Karski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. 548 s.
  24. Kowalski W. Tragedia w Gibraltarze / W. Kowalski. Bydgoszcz: Pomorze, 1989. 366 s.
  25. Kowalski W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945): w 2 cz. / W. Kowalski. Warszawa: Książka i wiedza, 1985. 2 cz.

26. Materski W. Wokół zerwania stosunków polsko-sowieckich w kwietniu 1943 roku / W. Materski // *Studia polityczne*. 2000. — №. 10. S. 189–201.
27. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945 / W. Pobóg-Malinowski: w 3 t. — Londyn, 1985–1986. T. 3. 1986. 930 s.
28. Protokoły z posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej: zb. dok.: w 8 t. / pod. red. M. Zgórniak. — Kraków: Secesja, 1994–2008. 8 t.
29. Rojek W. Rola kresów północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w stosunkach polsko-brytyjskich wrzesień 1939 — sierpień 1941 / W. Rojek // *Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej (1939–1941)*. *Studia i materiały* / red. M. Gnatowski [i inni]. Białystok: Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, 2003. S. 29–50.
30. Soviet Union. Territorial dispute with Poland. Reaction from abroad // <http://szukajwarchiwach.pl/800/42/0/-/45.jpg>.
31. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej: zb. dok. / komitet red.: T. Cieślak [i inni]. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1965. 837 s.
32. Ślusarczyk J. Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945 / J. Ślusarczyk. Toruń: Wydawnictwo A. Marszałek, 2000. — 376 s.;
33. Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej 1939–1945 / J. Tebinka. Warszawa: Wyd. Neriton, 1998. 460 s.
34. The Great Powers and the Polish Question 1941–1945. A documentary Study in Cold War Origins / edited by A. Polonsky. — London: London School of Economics and Political Science, 1976. 282 p.
35. United States. Ciehanowski, Jan. Reports. 1942 // <http://szukajwarchiwach.pl/800/42/0/-/46.jpg>.
36. United States. Reports. Ciehanowski, Jan. 1943 // <http://szukajwarchiwach.pl/800/42/0/-/22.jpg>.

37. United States. Reports from the Polish ambassador. 1942 // <http://szukajwarchiwach.pl/800/42/0/-/13.jpg>.
38. W sojusznicy Londynie. Dziennik ambasadora Edwarda Raczynskiego 1939–1945. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1989. 450 s.
39. Żaroń P. Kierunek wschodni w strategii wojskowo-politycznej generała Władysława Sikorskiego 1940–1943 / P. Żaroń. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1988. 336 s.

Герасимчик В. В.

Геополитическая ситуация во время восстания 1863 г.: от угрозы европейской войны до создания I Интернационала

Статья посвящена международным отношениям во время восстания 1863–1864 годов, которое развернулось в сложных геополитических условиях, повлиявших на его поражение.

Ключевые слова: восстание 1863–1864, Речь Посполитая, конвенция Альвенслебена.

В начале 1863 года внимание великих держав (Британии, Франции и Австрийской империи) было обращено на события в США, гражданская война в которых привела к фактическому прекращению поставок шерсти на пространстве от Манчестера до Лодзи, а Британию поставило перед угрозой утраты Канады.

Российская империя, в свою очередь, быстро оправлялась от поражения в Крымской войне, начав реформы «сверху». Необходимыми факторами для успешного их осуществления являлись спокойствие внутри страны и отсутствие крупных военных столкновений, чему способствовал оформившийся после встречи Александра II и Наполеона III в Варшаве в 1858 году франко-российский союз.

Однако успехи итальянского Риссоржементо 1861 года вызывали активизацию в Париже эмигрантских кругов бывшей Речи Посполитой, объединившихся вокруг «Отеля Лам-

бер» и Владислава Чарторийского. Польские эмигранты большие надежды возлагали на императора Наполеона III, рассчитывая на то, что совместная война Франции и Сардинского королевства против Австрии за возвращение Италии северных земель перерастет в дальнейшее освобождение Балкан, Венгрии, а затем и польских земель, в том числе в составе Российской империи [2; с. 75]. Однако интересы Наполеона III были обращены в сторону Пруссии, за счет земель которой французский император стремился расширить границы собственного государства до Рейна. Разрыв отношений с Россией не входил в его планы, поэтому Франция никак не отреагировала на поставки российского оружия в Сербию, против чего в декабре 1862 года выступили представители Австрии и Британии [11; S. 395]. Для России создавались благоприятные условия для реванша на Балканах и возврата контроля над Черным морем. Но ситуация изменилась в начале 1863 года.

Восстание 1863–1864 гг. стало для «Великих держав» настоящим сюрпризом. На Западе вначале отсутствовала информация не только о его целях, но и событиях. Даже император Франции в первую неделю воспринимал его не иначе как внутреннюю проблему Российской империи, которая будет быстро разрешена. Этому способствовала успешная деятельность российских дипломатов, начавших проводить специальную пропаганду и представлявших восстание на землях бывшей Речи Посполитой как угрозу установленному в Европе порядку, указывая на его связи с Гарибальди и Карлом Марксом [14; s. 12].

Ситуация резко изменилась после заключения 27 января 1863 г. российско-прусского соглашения о помощи, так назы-

ваемой «конвенции Альвенслебена». [13; S. 67]. Несмотря на сопротивление министра иностранных дел Горчакова, на подписании соглашения с генерал-адъютантом прусского короля Густавом фон Альвенслебеном настоял лично Александр II. Условия соглашения позволяли российским войскам преследовать повстанцев на прусской территории, а прусским войскам — на российской территории. Заключенное соглашение привело к временному ослаблению позиций канцлера Отто фон Бисмарка в прусском парламенте [9; s. 270–277]. Но это было не существенно на фоне планируемой войны с Данией и Австрией.

Одновременно с началом переговоров Бисмарк направил 60-тысячный корпус во главе с генералом фон Вердером к границам Королевства Польского. Наместник Царства Польского великий князь Константин рассматривал возможность использования прусских сил для разгрома отрядов генерала Марьяна Лангевича. Но «Конвенция Альвенслебена» так и не была ратифицирована прусским парламентом. В то же время главным ее итогом стало ослабление влияния «польской партии» при российском правительстве, что отмечал Бисмарк: «Военной нужды в ней на тот момент не было, русские войска были достаточно сильны, и успехи инсургентов существовали в значительной своей части только в очень, иной раз фантастических, донесениях, которые заказывались из Парижа, фабриковались в Мысловицах, помечались то за границей, то театром боевых действий, то Варшавой и появлялись предварительно в одном берлинском листке, а затем уже обходили европейскую прессу. Конвенция была удачным шахматным ходом, который решил исход партии, которую разыгрывали одно против второго в недрах

русского кабинета антипольское монархическое и полонизированное влияния» [1; с. 229].

Но важнее всего было то, что российско-прусское соглашение привело к ликвидации франко-российского союза и образованию неофициальной коалиции Франции, Британии и Австрии против Российской империи. Вместе они занялись выработкой плана урегулирования так называемого «польского вопроса».

Теперь французский император Наполеон III снова мог использовать свой авторитет «защитника угнетенных народов». О серьезности намерений свидетельствует тот факт, что его жена, императрица Евгения, во время встречи с австрийским послом показала карту Европы с независимой Польшей и изменением границ европейских государств [7; р. 76]. Однако французский император стремился использовать «польскую карту» прежде всего против Пруссии. Его желаний не разделяли Австрия и Британия, которые принудили Наполеона III сосредоточить основное внимание именно на России.

Организации эмигрантов бывшей Речи Посполитой утратили ценное время в самом начале восстания, чтобы настроить работу с правительствами зарубежных государств. Повстанческое правительство в Варшаве допустило большую ошибку, возлагая дипломатическую работу на «Отель Ламбер» и рассчитывая на эмиграцию в контактах с великими державами. Варшавское правительство назначило Чарторийского главным дипломатом. Меж тем этот дипломат, как настоящий консерватор, считал ошибкой союз Польши с другими революционными силами европейских народов. Именно благодаря ему в среде повстанцев расширялось мнение, что

ради вмешательства западных государств достаточно одной только демонстрации силы. Его позиция способствовала укреплению партии «белых», а в Литве и Беларуси привела к перевороту и отстранению от власти «красных» с их идеями радикальных социальных преобразований.

Чарторыйский обращался к Франции и Британии с предложением принятия декларации, которая бы лишала Россию прав на «польские земли», просил предоставить кредиты на закупку оружия, в качестве довода указывая на помощь великих держав Греции и Бельгии, убеждал, что возрождение сильной Польши создаст возможность для устойчивого мира в Европе. Но все закончилась лишь появлением дипломатических нот.

17 апреля 1863 г. правительства Франции, Британии и Австрии направили первые общие дипломатические ноты. Их поддержали Италия, Турция, Швеция, Испания Португалия, Голландия и Ватикан. Возможность начала войны из-за Польши серьезно рассматривалась руководством Российской империи, о чем свидетельствуют «Записка М. Муравьева об организации обороны Петербурга и Северо-Западного края на случай войны с Западными державами» от 25 апреля [5]. Будущий руководитель Северо-Западного края (современная Беларусь и Литва) Российской империи М. Н. Муравьев отмечал: «Между тем восстание европейских держав против нас увеличилось; по-видимому готовились грозные силы и в особенности во Франции, где польские революционеры с необыкновенным успехом вооружали общее мнение против нас» [3; с. 393].

В повстанческих кругах новость о начале дипломатического давления на Россию была принята с большим энту-

зиязмом. Даже Константин Калиновский поддался этому запалу. Комиссар Гродненского воеводства Эразм Заблоцкий вспоминал, как тот бранил его за отсутствие активности: «Нет, брат, теперь не время отнекиваться, когда заграничные государства ведут переговоры и успешно в нашу пользу, а вы трусы, падающие духом, хотите дать России средства убедить их, что в нас только ребячество, как и на самом деле, а нет настоящего патриотизма» [4; л. 41 об. — 42].

4 мая 1863 г. Наполеон III предложил провести мирный конгресс с участием всех заинтересованных сторон по «польскому вопросу». Но идею не поддержали, а через два дня англичане предложили заключение перемирия сроком на один год. При этом российские войска должны быть выведены с территории Королевства Польского, а поляки могли бы формировать собственную систему власти. Австрийцы в свою очередь предлагали так называемые «шесть пунктов», согласно которым вводилась амнистия, восстанавливался польский сейм, поляки допускались к администрации в стране, польский язык делался государственным, и вводилась новая система формирования армии. Последний проект в итоге стал общим, но на территории, охваченной восстанием, такое решение было принято с разочарованием.

17 и 18 июня правительства Франции, Австрии и Англии направили в Петербург ноты с изложением шести пунктов о прекращении военных действий и согласии на мирные переговоры. Но для России это фактически значило международное фиаско и признание вмешательства заграничных государств во внутренние дела. Поэтому, несмотря на сопротивление ряда высших сановников, Горчаков настоял

на отказе, закамуфлировав его в дипломатичных формулировках, которые французский посол Монтебело расценил как «нас выставили за двери». Во Франции в связи с этим обсуждалось предложение о начале войны с Россией, но его не поддержали Британия и Австрия. Таким образом, Горчакову удалось выиграть необходимое время, и в августе, когда восстание пошло на убыль, были отосланы очередные ноты, отвечая на них, министр иностранных дел Российской империи просто пометил, что события в Королевстве Польском и Северо-Западом крае рассматривает как внутреннюю проблему его страны. Военный министр Д. Милютин с удовлетворением отметил, что война с иностранными державами не предвидится раньше 1864 года, о чем незамедлительно направил 21 августа записку Александру II [6].

4 ноября Наполеон III предлагал очередной конгресс, на этот раз для решения не только польского вопроса, но и датского, румынского, венецианского и римского. Таким образом, восстание на территории Речи Посполитой на фоне развития прусско-датского конфликта перестало быть центральной темой в европейской геополитике.

14–18 декабря 1863 года во время обсуждения в сенате Франции было отмечено, что война за Польшу не имеет смысла, потому что не является делом чести Франции.

В Британии с ее русофобией, в отличие от Франции, общественная мысль первоначально была полностью на стороне восстания, о чем свидетельствуют материалы газеты «Таймс». Ситуация изменилась только в мае-июне 1863 года, когда восстание стали называть не иначе как «авантюрой». В это время в Британии премьер-министром являлся лорд Пальмерстон, которому принадлежат слова: «У нас нет веч-

ных союзников, ни постоянных врагов, но постоянные и вечные наши интересы, и защищать их — наша обязанность». Это изречение раскрывает всю суть отношений англичан к восстанию 1863–1864 годов. После заключения русско-прусского соглашения в Англии даже прошли дебаты насчет отношения к восстанию. В отличие от Франции с ее аристократическим «Отелем Ламбер», существенную роль в Лондоне играла созданная в первые месяцы 1863 года Делегация польской эмиграции, которая представляла радикальных эмигрантов. Кроме того была основана Национальная лига в деле независимости Польши, к которой принадлежал Джон Стюарт Милль. Организация ставила целью путем митингов сосредоточивать внимание на польском вопросе. Один из таких митингов был организован в августе 1863 года в Лондоне и использовался для обсуждения проблемы создания международной рабочей организации. Именно самые бедные слои населения, а также студенчество поддерживали восстание. Но это были группы, которые не имели права выбора и не оказывали влияния на политику правительства. В то же время газета «Głos wolny» сообщала, что за первые четыре месяца после основания Польской эмигрантской делегации ею было собрано 458 фунтов стерлингов, которых хватило для переправы на территорию, охваченную восстанием, 48 добровольцев, в основном офицеров [8; s. 58]. Горячо поддерживали восстание и русские революционеры-демократы во главе с Герценом и Огарёвым.

Лондонские демократы организовали морскую экспедицию с грузом в 1000 карабинов на помощь восстанию. В ночь с 21 на 22 марта 1863 года из Лондона вышел пароход «Ворд Джексон». Но российская разведка с начала миссии Теофила

Лапинского была хорошо проинформирована, и пароход был задержан в порте Мальмё 30 марта. Шведские власти не хотели портить дипломатические отношения с Россией. Но в Швеции повстанцы приобрели новый корабль — «Эмилия», на который перенесли груз, после чего добровольцы 11 июня попытались высадиться на прусском побережье в районе Клайпеды. Лапинский намеревался доставить оружие к Паланге, где им должен был воспользоваться Зигмунт Сераковский. Первоначально в миссию отправлялись 152 добровольца, из которых 22 француза, 16 итальянцев, 3 англичанина, 2 немца, 2 бельгийца, 2 русских, 2 швейцарца, 2 венгра, хорват и голландец [12; s. 214].

Против помощи повстанцам уже с мая активно начали выступать британские бизнесмены, поскольку это угрожало поставкам продовольствия из России для 2–3 миллионов британцев. Уже 17 августа в «Таймс» писала: «Здесь, в Лондоне нам угрожает Варшава». Английский корреспондент газеты, который провел несколько недель в повстанческих отрядах, не сдерживал своих негативных оценок повстанцев. В 1864 году в связи с обострением ситуации в Британской Индии, связанной с афганской кампанией Амбела и англо-бутанской войной, британцев вообще перестал интересовать польский вопрос. Однако важнее было то, что 28 сентября 1864 года в Лондоне произошел очередной митинг в поддержку январского восстания, на который собралось около двух тысяч человек. Они приняли решение создать Международное товарищество рабочих. Тут же был и Карл Маркс, который занялся подготовкой устава новой организации, утвержденного 1 ноября. Эта организация вошла в историю как Первый интернационал.

Австрия не проявляла активных действий, за исключением перебрасывания через ее территорию повстанческих кадров. Так, в апреле 1863 года в Краков прибыл итало-польский легион из гарибальдийцев во главе с Франческо Нулло. Первоначально разместился в Кракове и 3 мая перешел границу с Российской империей, уже 5 мая был разбит. Франческо Нулло погиб. Через Австрию повстанцы отправлялись и в эмиграцию во Францию, пока 29 февраля 1864 года в Галиции не было введено военное положение.

Соединенные Штаты Америки не поддерживали восстание в связи с тем, что Россия стояла на их стороне в гражданской войне, в отличие от великих держав, поддерживающих Конфедерацию.

Восстание поддерживали представители левых взглядов со всей Европы, понимая его как радикальную общественную смену и революцию. Поэтому собирались деньги на закупку медикаментов и оружия, которую планировали доставить на территорию, охваченную восстанием. Недостаточное количество огнестрельного оружия являлось одним из ключевых факторов поражения повстанцев. Так, из 8600 человек, которые приняли участие в первых боях, только каждый десятый имел огнестрельное оружие [10; S. 23].

Еще в конце 1862 года в Париже была создана оружейная комиссия для закупки вооружения, но ее участники были фактически сразу после начала деятельности арестованы французскими властями. В октябре 1863 года попытка создания комиссии была предпринята в Познани, но ее постигла та же участь, что и в Париже. В итоге комиссия была организована в бельгийском Льеже и существовала параллельно с оружейной комиссией сначала в Кракове,

а затем Вене. В Льеже было закуплено 16 тысяч единиц оружия, что составляло четверть от приобретенного за рубежом. Из них к месту назначения добралась только треть, и то в основном весной 1864 года, когда восстание уже было подавлено.

Проблемой являлось и существование конфликтов между представителями повстанцев. Так, Юзефу Ахиллу Бонольдзи, представлявшему восстание в Литве и Беларуси, препятствовал Людвик Мерославский, который после своего поражения сумел получить звание генерального организатора восстания вне границ Польши и стремился за счет происков оставить себе деньги, предназначенные на закупку оружия.

Таким образом, Январское восстание стало тем фактором, который разрушил франко-российский союз и укрепил позицию Пруссии, которая за счет войн с Данией и Австрией расширила собственную территорию, провозгласив в 1871 году в Версале создание Германской империи. Это стало возможным в условиях отсутствия у Франции сильного союзника на континенте, которым Британия, с ее стремлением удержания баланса сил в Европе, быть не могла. Именно с этих позиций Британия не стремилась к восставлению Речи Посполитой, поскольку расценивала такой шаг как возможность укрепления Франции. В то же время в XIX столетии за независимость сражались многочисленные европейские народы: греки, болгары, венгры, ирландцы, балканские народы. Но без помощи великих держав их успех был невозможен. Восстание 1863–1864 годов развернулось в неблагоприятных геополитических условиях, что и обусловило его поражение.

Список источников и литературы

1. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Москва, 1940. Т. 1.
2. Герасімчык В. У. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Гродна: ТАА “ЮрСаПрынт”, 2018.
3. Муравьев М. Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863–1866 гг. // Русская старина, 1882. Т. 36.
4. НИАБ в г. Гродно. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1.
5. РГВА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 76.
6. РГВА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 100.
7. Cassels I. Ideology and International Relations in the Modern World. Routledge.
8. Delegacya emigracyi polskiej w Anglii // Głos wolny. May 31, 1863. № 14.
9. Feldman J. Bismarck a Polska. Warszawa, 1980.
10. Goddeeris I., Ranson H. Polskie zakupy broni w Ljege podczas Powstania styczniowego. OL PAN. 2013. X.
11. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 2009.
12. Łapiński T. Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę. Lwów, 1879.
13. Problematyka geopolityczna ziem polskich pod red. Piotra Eberhardta. Warszawa, 2008.
14. Zdrada J. «Biel, czerwien, czern» «Niezbędnik inteligenta» // „Polityka”, № 8. (23 luty, 2008).

Гулецкий Д. В.

Древнерусские свинцовые пломбы как источник для изучения денежного обращения домонгольского периода

В статье приведены свидетельства иностранцев, прямо и косвенно утверждающие обращение в Древней Руси в XI–XIII вв. меховых денег; представлен анализ текущего состояния изучения этого феномена.

Ключевые слова: свинцовые пломбы, меховая торговля, домонгольский период, Древняя Русь, ал-Гарнати, меховые деньги, сфрагистика, нумизматика.

«С древнейших времен самым выгодным и ценным экспортным товаром, вывозившимся из Руси в другие страны, была пушнина. Наличие ее ценных пород в лесах Восточной Европы стало с рубежа VIII–IX вв. одним из определяющих факторов приобщения восточных славян к международной транзитной торговле. Меха еще с домонгольской эпохи являлись важнейшей статьёй древнерусского экспорта» — такими словами начинается глава о роли пушнины в древнерусском товарообмене из книги В. Б. Перхавко [22, с. 186]. Автор подробно рассматривает свидетельства как внутренних, так и внешних письменных источников, со всей определенностью подчеркивающих значение меховой торговли в домонгольский, киевский период русской истории. Им приводятся многочисленные примеры использования русских мехов на Востоке, в Византии, Северной и Западной Европе.

О пушной торговле русов писали многие восточные авторы, начиная с IX столетия — ибн Хордадбех, ал-Факих, ибн Русте, ал-Масуди, Гардизи из Хорасана, ибн ал-Асир. По словам авторитетного персидского географа ибн Русте, автора «Книги драгоценных сокровищ» (930-е гг.), «единственное их (русов. — Авт.) занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям» [22, с. 187]. Багдадский географ X в. ибн Хаукаль сообщает о северных товарах, интересовавших мусульманский мир от Андалусии до Хорезма: «Вывозимые из страны хазар в исламские страны мед, свечи и пушные товары ими (хазарами — Авт.) ввозятся только из местности Руси и Булгар... Бобры водятся только в их северных реках... Большая часть этих мехов, да почти все, добыты в стране русов, некоторые же из этих мехов, наивысшего качества, попадают из местности Гога и Магога на Русь... затем русы перепродают эти меха булгарам». По Ахмеду ибн Фадлану, шкурами соболей русы платили дань хазарам [14, с. 140].

Не меньшим спросом пользовались русские меха и на Западе, но там основным посредником в торговле выступали уже скандинавы, которые, как и восточные посредники — булгары, также имели свой пушной промысел [15, с. 222–223]. Западные авторы оставили записки об обычаях Руси в более позднее время. Немецкий поэт Гартманн в начале 1200-х восхищался великолепными русскими мехами. По его словам, их можно было встретить и в Польше, через которую они транзитом поступали в Германию. Гийом де Рубрук, посол Людовика IX в ставку монгольского каана, уже вскоре после монгольского погрома Руси, в 1250-е, встречал в Судаке русских купцов, везущих «горностаев, белок

и другие ценные меха» [22, с. 187, 189]. Русское название соболя сохранилось и сегодня в европейских языках (нем. *das Zobel*, англ. *Sable*, фр. *la Zibeline*).

Примеры значения русской меховой торговли, особенно в последние столетия Средних веков, можно множить, но нас более всего интересуют примеры внетоварного использования шкур. Оказывается, что наиболее ранние свидетельства о хождении пушнины в качестве денег известны в отношении к соседям Руси — волжским булгарам, обычаи которых описывал в 930-е годы саманидский географ ибн Русте: *«Главное богатство их составляет кунный мех. Чеканенной монеты своей нет у них; звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум дирхемам с половиною. Белые, круглые дирхемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за их товары»* [27, с. 24–25; 22, с. 191]. Сегодня нам известно, что монетный чекан булгар начался не позднее второго десятилетия X века [12, с. 53]. Следовательно, арабским автором были использованы несколько устаревшие сведения о денежном обращении страны, слышанные им, вероятно, от путешественников, побывавших в Булгарии в начале столетия. Ибн Русте приводит ценнейшие детали — во-первых, булгары торговали на мех куницы, во-вторых, известен курс одной шкурки по отношению с саманидскому дирхему начала X века.

Наиболее раннее свидетельство денежного обращения мехов также и у славян содержится в отчете Ахмеда ибн Фадлана, посетившего Волжскую Булгарию в 921–922 годах в качестве секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира. В Булгарии Ахмед видел прибывших туда

для торговли русов и оставил ценное описание их обычаев. Воспользуемся наиболее известным переводом труда ибн Фадлана, чтобы процитировать интересующее нас место: *«Дирхемы русов — серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы; соболи. Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится монетой. Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар. Весов там не имеют, только стандартные бруски металла. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чаши»* [14, с. 141–142].

Этот небольшой отрывок, посвященный финансовым традициям русов начала X века, насыщен важными для нашего исследования деталями. Сравнивая показания двух восточных авторов, писавших практически одновременно, можно заметить, что если болгары торговали прежде всего, на мех куницы, то русские использовали с той же целью бракованные шкуры серой белки, а также целые (?) — соболей. Уже в такое раннее время в качестве «денежных» выделяются эти два вида мехов. В перечислении Ахмедом возможных браков беличьей шкурки («без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы») следует видеть, пожалуй, непреложную необходимость присутствия лишь одного из них, а не всех, что, как мы увидим, будет подтверждено в дальнейшем другим, независимым автором. На такую трактовку указывает и следующее за перечислением предложение («Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится монетой»). Затем, если ибн Фадлан говорит лишь о том, что шкурки нельзя вывезти, то более поздние авторы (Низами, Абу Хамид) вторят ему, подчеркивая при этом не столько запрет, сколько бессмысленность данного действия.

Далее Ахмед приводит интересные сведения о способах торговли русов. Археологически подтверждено, что уже в X столетии «бруски» драгоценного металла использовались на Руси в торговых операциях, но они не были тогда «стандартными» (то есть строго установленного веса — [4, с. 245–251]). Да и как можно оценить их «стандартность» без весов, посредством мерной чашки? Использование последней подразумевает отсчет объема, а не веса, и едва ли в нее могли быть насыпаны «бруски» — скорее, мелкая фракция — так часто встречаемые в русских кладах обломки и обрезки куфического серебра. Вероятно, поверки требует перевод словосочетания «стандартные бруски». Рычажные весы и сферические гирьки получают на Руси широкое распространение со второй половины X в. [30, с. 159, 197, 216;] (Янин В. А., 2009. С. 159, 197, 216; 17, с. 130, 160], что согласуется со сведениями ибн Фадлана. Более поздние арабские компиляторы (Наджиб Хамадани, XII в., Амин Рази, XVI в.) практически в точности воспроизводили слова аббасидского чиновника, не актуализируя их.

Основными, наиболее распространенными мехами, напрямую участвовавшими в денежном обращении Руси в следующем, XI веке были шкуры белки и куницы. Они в форме «векши» и «куны» были включены в древнерусскую денежно-весовую систему, впервые письменно зафиксированную Русской Правдой [13, с. 45]. Известно, что для добычи на экспорт ценных пород пушнины (шкур горностая, соболя) русскими в XI–XV вв. предпринимались значительные усилия в колонизации территорий, заселенных северными народами [22, с. 196–211]. На белку и куницу же охотились, вероятно, прямо на месте, в среднерусской полосе [22,

с. 196], хотя специальных исследований в этом направлении, насколько нам известно, не предпринималось.

Классические источники, свидетельствующие о расцвете денежной функции пушнины, относятся к XII веку. Их показания цитировались исследователями неоднократно. Граффити, содержащие курс пересчета между двумя видами гривен, были обнаружены на стенах южной внешней галереи киевского Софийского собора. Это запись о покупке княгиней «Всеволожей» земли Бояна за семьдесят соболинных гривен, соответствующих семистам гривен «драниц». Граффити не имеют надежной датировки, но соотносятся С. А. Высоцким с женой Всеволода Ольговича, Марией Мстиславной, умершей в 1179 году [10, с. 70]. Привлекая данные палеографии и отождествив некоторых из «послухов»-свидетелей сделки с церковными деятелями середины XII века, автор датирует запись этим временем.

Значение слова «драница» после осмысления свидетельства Абу Хамида, о котором будет еще сказано ниже, уже не представляло загадки для А. В. Назаренко, отождествившего его с вытертой, бракованной беличьей шкуркой [17, с. 70]. Испорченные меха выступают здесь в качестве своеобразного «всеобщего эквивалента» для пояснения курса гривны соболей. Сам термин «гривна» в рассматриваемой записи, несомненно, счетный и означает определенное штучное количество физически переданных продавцу товаро-денег — шкур соболя. Это количество выражается в гривнах драниц, как в абстрактной денежной единице, ценность которой известна более широко, нежели гривна соболей, иначе автору записи не потребовалось бы дополнительных пояснений.

Словом, гривна (некоторое число) соболиных шкур оценивалась в Киеве середины XII века в десять гривен (такое же число) вытертых беличьих шкур.

Важнейшее, хотя, как мы видели, далеко не единственное свидетельство обращения на Руси шкурок пушных зверей в качестве денег оставил для нас арабский путешественник Абу Хамид из андалусской Гренады. Труд Абу Хамида «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» долгое время считался утраченным. В начале 1950-х он был найден в Мадриде и опубликован на испанском языке в 1953 году. В конце того же десятилетия сведения Абу Хамида стали достоянием уже советской исторической литературы [16], а еще спустя десять с лишним лет «Ясное изложение...» дождалось полного издания на русском языке [23].

Абу Хамид лично побывал в Киеве. В 1150 году он выехал туда, двигаясь из Булгара. Судя по всему, его путь пролегал по Оке и Десне [23, с. 10, 109]. Это был один из главных маршрутов русской торговли в предыдущие столетия, по которому в IX–X веках в столицу Руси поступало арабское серебро [30, рис. 17, 24]. Не потерял он своего значения и в XII веке. Арабский путешественник оставил довольно обширное описание интересующего нас явления, бывшего для него диковинным. Прочитируем его полностью, опираясь на публикацию О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта [23, с. 35, 36]: *«Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки, шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету серебряный дирхем, связывают в связку и называют ее “джукн”.*

И за каждую из таких шкурков дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине.

На них покупают любые товары: невольниц и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за хаббу (мельчайшая арабская мера веса драгоценных металлов, равная массе ячменного зернышка. — [23, с. 74]), и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они испортятся в их домах, то их, рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают».

По мнению публикаторов «Ясного изложения...», «сведения ал-Гарнати — сведения очевидца, весь рассказ настолько непосредствен, что нет никаких оснований подозревать его не только в измышлениях, но и в том, что он заимствовал их у недостоверных осведомителей... во всем, что касается повседневности, ал-Гарнати скрупулезно точен» [23, с. 14].

Таким образом, денежная функция в Древней Руси самих мехов сомнений не вызывала, но важным моментом стало отождествление кусочка черного свинца Абу Хамида с массово находимыми свинцовыми пломбами Древней Руси и тем самым признание пломб (по крайней мере, некоторой их части) нумизматическим источником. Гипотеза польско-

го ученого Т. Левицкого о скреплении с помощью древнерусских свинцовых пломб меховых денег стала к настоящему времени превалирующей. Подхваченная и развитая А. Л. Монгайтом, впоследствии она была косвенно поддержана В. Л. Яниным [29, с. 11], а А. В. Назаренко назвал ее «прочным достоянием историографии» [17, с. 65]. В конце XX — начале XXI вв. тезис об обращении в древней Руси «меховых ассигнаций», скрепленных свинцовыми пломбами, стал практически общим местом в работах ученых [5, с. 233–234; 22, с. 186, 191; 33; 11; 24; 32, р. 1071; 6, с. 348].

Пожалуй, единственным современным исследователем, явно оспорившим объективность сообщения Абу Хамида о меховых деньгах, стал украинский сфрагист А. Алфёров. Реанимируя в какой-то мере точку зрения Н. А. Леопардова, но немного переосмыслив ее, ученый связал возникновение традиции древнерусских пломб с примером византийских коммеркиариев. Проставление пломб, по мнению исследователя, будучи «одним из этапов сложного процесса налогообложения», производилось «чиновниками, опломбировавшими товары на княжеских таможах» [1, с. 191–194]. К сожалению, это заключение относилось огулом ко всему массиву древнерусских пломб. Оно было сделано без предварительного создания классификации, учета территориального или временного их разделения.

При этом ученый не только признал возможность существования меховых денег на внутреннем рынке, но и не сомневался в отождествлении «кусочка черного свинца» Абу Хамида с древнерусскими свинцовыми пломбами. Его сомнения насчет нумизматической функции пломб коснулись двух аспектов. Во-первых, упомянутое Абу

Хамидом «изображение царя», хотя и было верно трактовано А. Алфёровым как «изображение патрона князя», смутило исследователя, поскольку, по его мнению, встречается на пломбах крайне редко. Как мы увидим далее, такой тип рисунка присутствует почти на каждом типе пломбы не только в середине XII в., но и в целом с момента начала их использования и до конца XII в. (что составляет в сумме около 150 лет). Сам исследователь датировал наибольшую группу таких памятников (в которой изображение святого комбинируется с процветшим крестом) концом XI — первой половиной XII вв. [1, с. 193].

Второе опасение А. Алфёрова коснулось времени приезда ал-Гарнати на Русь — времени начала распада киевского государства Рюриковичей, растущей политической децентрализации. Однако констатации факта политического разлада без углубленного изучения возможности (или невозможности) функционирования института меховых денег в этих условиях явно недостаточно. Данные письменных источников (Русская Правда, берестяные грамоты) неоспоримо свидетельствуют о том, что этот институт возник во время как раз наибольшей стабильности — в правление Ярослава Мудрого (вероятно, поздний его период), а в результате междоусобиц, в 1160-е, претерпел первую существенную трансформацию [13, с. 44–45].

Как минимум в отдельных частях Руси денежное обращение опломбированных шкур пережило монгольское нашествие. Образованные европейцы XIII в., побывавшие на востоке либо читавшие записки очевидцев, были удивлены существованием неметаллических денег на Руси и в Китае. Оба вида эрзац-ценностей были для европейцев в одина-

ковой степени поразительными. В европейской мысли, современной монгольскому погрому, русские меховые деньги воспринимались в единой связи с хлопковыми банкнотами династии Юань. Гийом де Рубрук, наблюдая за русскими купцами в Крыму, где в 1253 году пролегал его путь ко двору Мунке в Каракорум, писал, что «ходячей монетой у русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок». Десятилетием позже информацию Рубрука включил в свое «Великое сочинение» Роджер Бэкон: *«А обычный денежный знак этих катайев — бумажка из хлопка, на которой отпечатаны какие-то строки. И неудивительно, ибо русцены, которые живут рядом с ними, имеют в качестве денежного знака шкурки пушных зверей»* [22, с. 193].

Еще в начале XV века, незадолго до начала чеканки серебряной монеты в Великом Новгороде (в 1413 году), французский дипломат Жильбер де Ланноа писал об обращении там серебряных слитков, а в качестве разменной монеты — «мордок белок и куниц». Обычай использования меховых ценностей был еще памятен в следующем столетии, когда о нем упоминали С. Герберштейн и А. Гваньини.

Древнерусские свинцовые пломбы, скрывающие в себе разгадки многих тайн как экономики, так и геральдики домонгольской Руси, до недавнего времени были обделены вниманием не только исследователей-нумизматов, но и сфрагистов. С дисциплиной, изучающей печати, пломбы связывает общность эмитентов, материала, техники изготовления. Опубликованы изделия мастеров, изготавливавших как пломбы, так и печати для одного правителя, а также пломбы и печати, оттиснутые одними и теми же матрицами [25, рис. 2,4].

В. А. Янин, работавший над сводом актовых печатей Древней Руси, отказался от рассмотрения пломб ввиду «сложности их характеристики» [29, с. 11]. Трудности классификации обусловлены прежде всего отсутствием должной фиксации находок (с топографической привязкой, фотографией каждого экземпляра, указанием его размера и веса). Объектами «малой сфрагистики» серьезные исследователи пренебрегали.

Список источников и литературы

1. Алфьоров О. Пломбы дорогичинського типу: методологічні рекомендації до опису та каталогізації // Сфрагістичний щорічник. Вип. 1. Київ, 2011.
2. Алфьоров О. Молівдовули київських князів другої половини XI — кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної колекції О. Шереметьєва) // Сфрагістичний щорічник. Вип. 2. Київ, 2012.
3. Алфьоров О. Княжі знаки на печатках Київської Русі // Сфрагістичний щорічник. Вип. 5. Київ, 2015.
4. Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем (IX в. — 1535 г.). М., 2014.
5. Белецкий С. В., Петренко В. П. Печати и пломбы из Старой Ладоги (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. Санкт-Петербург, 1994.
6. Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В. Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // Stratum plus. Пути вещей, 2017, № 6.
7. Боркевич Г. С., Ярошевский Н. А. Малая сфрагистика Галицко-Волынской земли II половины XII–XIII веков: находки последних лет // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики

- и сфрагистики. Минск, 2017. Т. 3. Специальный выпуск «Русь домонгольская».
8. Воронин Н. Н. Боголюбский киворий // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, 1946, № 13.
  9. Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира в XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР, 1949, №11.
  10. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
  11. Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Материалы международной научной конференции «Российский рубль: 700 лет истории». Великий Новгород, 2017.
  12. Гоголов С. А., Големихов А. В. О монетном чекане Волжской Булгарии X в. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики». Минск, 2017. Т. 3. Специальный выпуск «Русь домонгольская».
  13. Гулецкий Д. В., 2017. Еще раз о денежном счете домонгольской Руси // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М., 2017. Т. 4.
  14. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
  15. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Санкт-Петербург, 2005.
  16. Монгайт А. Л. Абу Хамид аль-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // История СССР, 1959, № 1.
  17. Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. М., 1996.
  18. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

19. Нечитайло В. В. Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Киев, 2012. Т. 1.
20. Нечитайло В. В. Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Киев, 2013. Т. 2.
21. Олейников О.М. Двор смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на улице Ленина, 15 в Смоленске 2004 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья, 2014, № 7.
22. Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006.
23. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Ред.: Большаков О. Г., ист. комм.: Монгайт А. Л. — М., 1971.
24. Стефанович П. С. Гривна как денежная единица: к спору меховистов и металлостов // Материалы международной научной конференции «Российский рубль: 700 лет истории», Великий Новгород, 2017.
25. Тигунцев Ю. Г., Гулецкий Д. В. Свинцовые пломбы XI–XII вв. с изображением святых и креста различных типов из северо-западной части Черниговской земли и Мстиславского удела Смоленской земли Киевской Руси (по сборам в Брянской области) // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск, 2017. Т. 3. Специальный выпуск «Русь домонгольская».
26. Тигунцев Ю. Г., Гулецкий Д. В. Свинцовые пломбы XI — начала XIII вв. из северо-западной части Черниговской земли и Мстиславского удела Смоленской земли (по сборам в Брянской области). Часть 2. Пломбы с изображениями знаков и литер различных типов // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск, 2018. Т. 5. Специальный выпуск «Сфрагистический сборник».
27. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., 1869.

28. Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, 1956, № 62.
29. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1.
30. Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
31. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3.
32. Bochnak A., Wołoszyn M. The Sphinx of Slav Sigillography — Type Drogichin Seals in Their East European Context // XV International Numismatic Congress in Taormina. Proceedings (2015). Roma — Messina, 2017. Vol. I.
33. Wołoszyn M., Florkiewicz I., Garbacz-Klempka A. The «Sphinx of Slav Sigillography» — Drogichin Seals in their East European Context (a preliminary report) // «Die frühen Slawen — von der Expansion zu gentes und nationes». Langenweißbach, 2016. Teilband 1: Allgemeine Beiträge.

Король В. А.

Миротворческая деятельность митрополита Минского и Белорусского Филарета

В статье освещается роль митрополита Минского и Белорусского Филарета (Вахромеева К. В.) в развитии миротворческой деятельности белорусских епархий Русской православной церкви. Выявлены предпосылки, основные направления и формы церковного миротворчества, взаимоотношения Церкви, государства и общественных организаций в деле защиты мира. Рассмотрены отношения белорусских епархий с международными религиозными организациями в вопросах миротворчества, а также участие представителей церкви в различных антивоенных мероприятиях в Беларуси и за рубежом. В статье показано, что в условиях атеизации общественно-политической жизни и напряженности в государственно-церковных отношениях миротворчество было одним из важнейших факторов, который позволил церкви сохранить себя как социальный институт, повысить свой авторитет и наладить диалог с государством.

Ключевые слова: антивоенное движение, белорусские епархии, внешние связи, защита мира, миротворческая деятельность, религиозные организации, Русская православная церковь, христианские церкви.

Одним из наиболее значимых в истории православной церкви в Беларуси во второй половине XX века был период, когда во главе ее находился митрополит Минский

и Белорусский Филарет. Митрополит Филарет (в миру — Кирилл Варфоломеевич Вахромеев) родился 21 марта 1935 года в Москве, получил степень кандидата богословия в Московской духовной академии, занимал должность инспектора и заведующего аспирантурой и ректора Московской духовной академии. До переезда в Беларусь он был епископом Тихвинским, викарием Ленинградской епархии, епископом Дмитровским, викарием Московской епархии, архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, Патриаршим Экзархом Средней Европы. Кроме того, он занимал пост второго заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата, являлся членом Комиссии Священного Синода РПЦ по вопросам христианского единства [1, с. 132]. Таким образом, до того, как стать митрополитом Минским и Белорусским, Филарет проявил себя как авторитетный церковный деятель не только внутри страны, но и за рубежом.

Роль государственно-церковных отношений в развитии деятельности белорусских епархий в защиту мира

Митрополит Филарет возглавил Минскую и Белорусскую епархию в 1978 г., сменив на этом посту митрополита Антония (Мельникова А. С.). В то время государственно-церковная политика, проводимая в Беларуси, была направлена на вытеснение религии из сознания людей и общественной жизни. Открытые гонения на религию были прекращены, однако государство продолжало искусственно ограничивать количество религиозных организаций и приходов, не утихала кампания атеистической пропаганды и вытеснения

религии на периферию общественной жизни. В таких условиях количество церквей и приходов православной церкви в Беларуси продолжало сокращаться. Если в 1965 г. в республике было 420 церквей, в 1970 г. — 380, в 1975 г. — 373, то к 1985 г. осталось лишь 369 [2, с. 302]. Митрополит Филарет позже написал об этом в своих воспоминаниях: «1978 год — это год, еще далекий от перестройки. Первые десять лет трудно было сделать что-то внешне заметное для Церкви. Речь не шла об открытии новых храмов, а об укреплении того достояния, которое мне было вручено Церковью. Нужно было заниматься консолидацией церковных сил, и прежде всего пастырей вокруг своего епископа. <...> Таким образом мы укрепляли свои внутренние позиции» [4, с. 84].

Однако и в таких сложных условиях митрополит многое сделал для активизации церковной жизни и улучшения положения церкви в Беларуси. В 1980 году, благодаря его усилиям, была открыта викарная кафедра в городе Пинске. В 1984 году был установлен праздник в честь Собора всех белорусских святых. Во многих храмах проводились ремонтные и реставрационные работы, в том числе и в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе. В 1985 г. было построено новое здание Минского епархиального управления [1, с. 177–183]. Одной из наиболее острых проблем белорусских епархий в то время была нехватка священнослужителей в приходах. Количество священников, благодаря усилиям владыки, постепенно росло. Если в 1978 г. в епархии на 369 церквей приходилось 347 священников, 17 диаконов, то уже в 1981 г. на 370 церквей — 383 священника. Митрополит Филарет лично посещал епархии и приходы,

общался со священнослужителями и верующими, узнавал об их проблемах и старался решить их [2, с. 12].

Митрополит Филарет прилагал усилия к тому, чтобы добиться расположения властей, поскольку от личных отношений с органами власти зависела во многом дальнейшая судьба церкви. В лице своего главы, несмотря на богоборческую политику государства, церковь заявляла о своем лояльном отношении к власти, подчеркивая в первую очередь значимость усилий государства в борьбе за мир на земле. Это было замечено высшим руководством республики. 3 октября 1983 г. в Минске впервые состоялась встреча председателя Совета Министров БССР В. И. Бровикова, уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по БССР А. М. Залесского и митрополита Филарета. Ее можно считать знаковой, поскольку на встрече митрополит официально озвучил позицию общественного и патриотического служения клириков и мирян епархии, готовность участвовать в движении за мир, которое в то время было весьма актуальным в Советском Союзе [6, с. 7].

Вопросы сохранения мира особенно остро стояли на повестке дня в 1970–1980-е годы, в условиях холодной войны, нарастания гонки вооружений и ядерной угрозы для всего человечества. В литературе широко распространено утверждение, что миротворческая деятельность церкви была своего рода политическим заказом государства, который церковь стремилась выполнять, чтобы получить определенные дивиденды. Но вот что об этом писал митрополит Филарет: «Спустя годы мы слышали мнения, высказываемые и внутри Церкви, и в обществе в целом, что “миротворческие” темы были навязаны государством и могут расцениваться только как его полити-

ческий заказ. На самом деле вопросы защиты мира включали широкий круг социально-этических тем. <...> Кроме того, критики, видимо, забыли, что в 70–80-е годы двадцатого века мир буквально балансировал на грани термоядерной войны, и вопросы миротворчества были чрезвычайно важны» [7, с. 228].

Следует подчеркнуть тот факт, что белорусские епархии были частью Русской православной церкви. По этой причине в их миротворческой деятельности находили отражение важнейшие тенденции миротворчества РПЦ. Что собой представляло миротворчество церкви в то время? Следует отметить, что оно получило развитие уже в послевоенные годы. Патриотические, антифашистские, антивоенные позиции Русской православной церкви, проявившиеся во время Великой Отечественной войны, стали той основой, на которой развивалась её миротворческая деятельность весь послевоенный период. Она представляла собой осуществляемый церковью в различных формах комплекс мер, действий, решений, направленных на сохранение мира, прекращение войн и предотвращение военных конфликтов, основанных на православной концепции войны и мира. Данная концепция в религиозно-богословской и научной литературе получила название «иринология», «православная мирология» или «богословие мира» [8, с. 88]. В ее рамках получили богословское толкование вопросы о причине и характере войн, роли религии и церкви в сохранении мира и путях его сохранения, формах и направлениях миротворческого служения.

В церковном миротворчестве можно выделить следующие основные направления: 1) межрелигиозное сотрудничество между РПЦ и другими церквями и конфессиями внутри страны; 2) сотрудничество представителей РПЦ со светской

общественностью страны, участие в движении сторонников мира; 3) международное межрелигиозное сотрудничество РПЦ с зарубежными церквами и религиозными организациями [9, с. 23].

Важным фактором, повлиявшим на развитие миротворческой деятельности, было то, что именно в вопросах борьбы за мир позиции церкви и государства во многом совпадали. Советское государство, безусловно, позитивно относилось к такому виду деятельности РПЦ, поскольку она имела патриотическую направленность и соответствовала его внешнеполитической линии. Более того, тем самым затушевывались гонения на церковь, которые проводились тем же государством. Что касается церкви, то её деятельность в защиту мира как внутри страны, так и на международной арене способствовала во многом налаживанию диалога с государством, решению многих проблем в государственно-церковных отношениях, повышению авторитета на международной арене и в глазах мирян. Церковные деятели поддерживали миролюбивую внешнюю политику СССР и антивоенное движение, поскольку они были направлены на сохранение жизни на земле и не противоречили концепции миротворчества. По словам митрополита Минского и Белорусского Филарета (Вахромеева), «у Церкви и государства была, наверное, единственная “точка совпадения интересов”, — миротворческое движение» [10, с. 246].

Формы миротворческой деятельности белорусских епархий

Центральное место во всем многообразии церковного миротворчества занимала церковная проповедь, которую митрополит Филарет назвал самой простой, но в то же время

«самой действенной и никогда не ослабевающей» формой миротворческого служения [10: с. 54]. В Уставе церкви нет такого богослужения, говорил он, в котором бы не содержалось молитв «о мире всего мира». «Нет, по существу, и таких проповедей и архипастырских посланий, в которых бы в том или ином виде, прямо или косвенно, христианин не призывался к стяжанию внутреннего мира, мира с ближними, мира в коллективе, в обществе, между нациями и народами», — писал митрополит Филарет [10, с. 55]. Проблемы войны и мира освещались митрополитом в пасхальных и рождественских посланиях, в которых он призывал верующих сделать всё возможное для предотвращения войны и сохранения священного дара жизни на Земле [АМЕП].

Нововведением митрополита Филарета стало проведение собраний духовенства белорусских епархий, клириков и представителей приходских советов, которые собирались по различным вопросам церковной жизни. На собраниях доводилась информация о международных миротворческих конференциях, встречах, посещениях представителями религиозных зарубежных организаций советской страны, о совместных усилиях РПЦ и зарубежных церквей в защиту мира и др. [7, с. 114].

Следует подчеркнуть важную роль в распространении миротворческих идей церковных периодических изданий, таких как «Журнал Московской Патриархии», сборник «Богословские труды», а также «Минские Епархиальные Ведомости» (с 1989 г.). В них печатались материалы о миротворческой деятельности православной церкви как внутри страны, так и за ее пределами. Сообщалось о визитах, приемах, встречах, поездках представителей РПЦ и других

церквей, публиковались проповеди, доклады, выступления, статьи, посвященные проблемам международного сотрудничества во имя укрепления мира. Благодаря этим изданиям священнослужители и верующие республики имели возможность знакомиться с официальной позицией РПЦ по вопросам сохранения мира, а также постоянной деятельностью церкви в этом направлении.

В 1982 г. митрополит Филарет (Вахромеев) впервые выступил на радиостанции «Советская Белоруссия», а в январе 1983 г. — на белорусском радио. В этих радиоэфирах он осветил миротворческую и патриотическую деятельность церкви, пояснил ее позиции по проблемам разоружения, ядерной безопасности и др.

Знаковым событием того времени, которое имело большой резонанс, стало выступление митрополита Филарета (Вахромеева) в телевизионной программе «Время» на центральном телевидении с заявлением о миротворческом служении церкви (1 сентября 1986 г.). Это было одним из немногих в те годы выступлений представителя церкви по телевидению [12, с. 55]. В выступлении митрополит призвал всех верующих людей страны сделать все возможное для сохранения мира и выразил полную приверженность Русской православной церкви идеям миротворчества. «В наши дни в рядах сторонников мира и непримиримых противников войны находится подавляющее большинство населения Земли — этой исключительной планеты во Вселенной — древней, но постоянно преображаемой гением и трудом человеческим. Среди этих сторонников мира и чада РПЦ, которая на протяжении 1000-летней истории постоянно провозглашает и осуществляет свою приверженность

евангельским миротворческим принципам», — говорилось в заявлении [12, с. 55].

Церковь не оставалась в стороне от участия в советских антивоенных и общественных организациях. Говоря о том, почему же церковь не игнорировала эти организации, хотя их деятельность инициировалась партией, митрополит Филарет (Вахромеев) отмечал: «Миротворческая деятельность быстро стала идеологическим полигоном власти, но даже при этом она не утратила для людей своего личностного смысла. Слишком дорогой ценой был добыт мир для нашего народа, и по сравнению с пережитым ужасом последней войны все эти идеологические, политические, дипломатические конструкции так и не смогли заслонить пронзительной остроты восприятия мира как величайшего блага. Именно поэтому Русская Православная Церковь с чистой совестью участвовала во всесоюзном и всемирном миротворческом движении. <...> И потому всевозможные общества дружбы с народами других стран, миротворческие форумы регионального и планетарного масштабов, национальные движения в защиту мира совершенно естественно включали в себя церковную миротворческую миссию» [13].

В отличие от других церквей, православная церковь в Беларуси регулярно отчисляла денежные средства в Советский фонд мира (СФМ). Это делали все церковные приходы и епархии, а также священнослужители и верующие. Архидиаконы Минской и Белорусской епархии личным примером показывали верующим и духовенству важность таких акций. Так, в 1986 г. митрополит Филарет (Вахромеев) пожертвовал в Фонд мира 5 тысяч рублей, священнослужители В. В. Бекаревич и Е. И. Мисеюк — по 1 тысяче рублей [14, с. 19].

Представители белорусских епархий участвовали в мероприятиях Белорусского республиканского комитета защиты мира (БРКЗМ), Белорусского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом, Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами и др.

Важным событием сторонников движения в защиту мира стала III Республиканская конференция 19 ноября 1981 г. в Минске. Выступление на конференции митрополита Филарета хотя и не было лишено идеологических штампов того времени, тем не менее было искренним и эмоциональным: «Мы за мир и против войны, за жизнь и против безумства тех, кто со зловещим хладнокровием вещает о новых доктринах ядерной войны и тем самым готовит человечеству погибель... С церковного амвона мы проповедуем мир повседневно. Мы стараемся делать общественные заявления, чтобы внешний мир услышал голос Церкви Белоруссии» [15, л. 25]. В новый состав БРКЗМ, избранный на конференции, вошел также митрополит Минский и Белорусский Филарет [15, л. 14].

Митрополит Филарет являлся активным участником всех форумов различных республиканских общественных организаций в защиту мира, избирался председателем Общественной комиссии Советского комитета защиты мира по связям с религиозными деятелями, выступающими за мир (с 19 декабря 1983 г.), членом Советского комитета защиты мира (с 23 января 1985 г.) и членом Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество (с 5 июня 1985 г.).

С назначением митрополита Филарета главой православной церкви в Беларуси власти стали регулярно приглашать его

и представителей духовенства на торжественные приемы и собрания по случаю празднования освобождения города Минска и Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. В церквах совершались литургии в память воинов, погибших за Отечество, произносились проповеди в защиту мира [16, с. 44]

Международная антивоенная деятельность белорусских епархий

Деятельность православной церкви в Беларуси в защиту мира выходила далеко за пределы республики. Немалую роль в этом сыграло то, что митрополит Филарет (Вахромеев) одновременно занимал должность Председателя ОВЦС (с 14 апреля 1981 г. по 13 ноября 1989 г.), должность Патриаршего Экзарха Западной Европы (с 12 октября 1978 г. по 28 марта 1984 г.), а также являлся постоянным членом Священного Синода РПЦ [1, с. 133]. В своих воспоминаниях митрополит Филарет (Вахромеев) писал: «...в моем личном восприятии вехой явилось само председательское послушание в Отделе. К слову, во многом оно стало важнейшим инструментом по управлению Минской епархией, потому что московские и европейские связи весьма содействовали укреплению позиций Православной Церкви в Белоруссии, которую в свое время на общесоюзном уровне решили сделать “первой безрелигиозной республикой в СССР”» [13].

Значительно активизировалось сотрудничество духовенства Беларуси с зарубежными организациями и религиозными деятелями. По словам белорусского церковного историка, священника Ф. Кривоноса, «в условиях презрения и целенаправленного давления, которые власти оказывали на Церковь и ее служителей, немалое значение для под-

держания корректно-выдержанных отношений с сильными мира сего, позволявших хоть что-то сделать для блага Церкви, имели частые встречи владыки Филарета (Вахромеева) в Минске, Москве и за рубежом с представителями различных христианских конфессий» [17, с. 178]. «Он часто привозил зарубежных гостей в епархию, Жировичский монастырь, чем содействовал выживанию этого религиозного учреждения, епархии в целом», — писал о митрополите Филарете (Вахромееве) белорусский историк В. И. Новицкий [18, с. 297].

На рубеже 1970–1980-х гг. международные контакты православной церкви в Беларуси значительно расширились и приобрели постоянный характер. Это проявлялось не только в посещении зарубежными религиозными делегациями БССР и поездках белорусских священнослужителей за рубеж, но и в организации в республике ряда важных международных мероприятий.

Так, например, в 1982 г. Беларусь посетили участники конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы»: митрополит Спиридон (Антиохийская церковь), епископ Уфимский и Стерлитамакский Анатолий, архимандрит Нифон, настоятель подворья Антиохийской церкви в России, архиепископ Волоколамский Питирим, епископ Звенигородский Валентин и др., посетили Минск. [19, с. 19–20]. С 6 по 8 января 1984 г. в Минске находилась делегация членов Рабочего президиума и секретариата Всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы»: президент Американской лютеранской церкви Д. Прейс (США), пастор Евангелической церкви доктор

Л. Миржеевский (ЧССР), каноник Р. Гоор (Бельгия) и пастор К. Мазобере (Зимбабве) [20, с. 30].

Как правило, официальная часть визитов включала богослужения в Минском кафедральном соборе, Александроневском храме г. Минска, Жировичском монастыре, а также посещение памятных мест и достопримечательностей БССР: монумента Победы в Минске, Хатыни, музея Великой Отечественной войны, ВДНХ и др. В честь большинства иностранных групп, посещавших белорусские епархии, митрополит Филарет (Вахромеев) устраивал торжественные приемы.

В то же время в 1980-е гг. увеличилось количество белорусских священнослужителей, выезжавших за рубеж в составе церковных делегаций и паломнических групп. Важной составляющей таких визитов и встреч были вопросы практической деятельности Церкви в поддержку разоружения и сохранения мира, активных действий, основанных на полном отрицании любого применения ядерного оружия и др. Православная церковь осуждала гонку вооружений, накопление ядерного оружия, выступала за разоружение, укрепление международной безопасности, утверждение принципов равноправия и сотрудничества между народами.

Данным проблемам был посвящен ряд крупных антивоенных форумов, организованных Русской православной церковью. Важное значение имели конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» (Москва, 10–14 мая 1982 г.); заседания международного круглого стола богословов и экспертов, посвященные глобальным проблемам современности: вопросам экономических и нравственных последствий замораживания ядерного оружия (1983 г.); космоса без оружия

(1984 г.); «ядерной зимы» (1985 г.); голода и нищеты как одного из следствий гонки вооружений (1986 г.); общей безопасности и морально-этических ценностей (1987 г.) и др.; международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» (Москва, 14–16 февраля 1987 г.). В них участвовали представители РПЦ в Беларуси. Митрополит Филарет (Вахромеев) в качестве руководителя ОВЦС был избран председателем Всемирной конференции и принимал участие во всех заседаниях круглого стола.

Многие международные антивоенные мероприятия стали проводиться в Минске. Так, 15–19 сентября состоялось заседание Международного секретариата Христианской мирной конференции, на котором обсуждались вопросы войны и мира, международного положения, углубления сотрудничества ХМК с религиозными и миротворческими организациями. В заседаниях приняли участие представители церквей — членов ХМК из 15 стран (всего 27 иностранных гостей), в том числе и глава организации доктор Любомир Миржеевский [21, с. 47].

19–26 мая 1987 г. в Минске состоялась мирная конференция христиан СССР и Японии на тему «Укрепление мира в Тихоокеанском регионе». Подобные встречи проходили в 1981, 1982, 1984 и 1985 гг. Религиозные организации СССР были представлены членами РПЦ, Грузинской православной церкви, Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, Адвентистов седьмого дня, Евангелическо-лютеранской церкви Латвии и др. Приветствие участникам встречи прислал Патриарх Московский и всея Руси Пимен. От Минской епархии в конференции участвовали митрополит Филарет (Вахромеев), протоиерей В. Бекаре-

вич, протоиерей Е. Мисеюк, протоиерей И. Хорошевич и др. Участники встреч обменялись мнениями по ряду актуальных вопросов: библейско-богословского подхода к проблемам мира, развития советско-японских отношений, разоружения, проблем сохранения мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе и др. [22].

9–13 октября 1987 г. в Минске прошла конференция координационного комитета женщин-христианок Европы. В ней приняли участие христианки из Англии, Швейцарии, Дании, Австрии, Финляндии, Франции, ФРГ, ЧССР, ГДР и других стран. В комитет христианок Европы входили женщины, которые представляли различные церкви и церковные организации Европы. Организация была создана на первой ассамблее в Гватемале (Швейцария) в 1982 г. Одной из основных ее целей было углубление христианского единства и более активного участия женщин-христианок в укреплении единства церкви. Важное место в работе форума заняли вопросы мира и справедливости. Была учреждена постоянная комиссия «Мир и справедливость» [23, с. 38].

Знаковым событием в жизни православной церкви Беларуси стало проведение 4–12 мая 1989 г. в Минске межправославной консультации по проблеме «Православные воззрения на справедливость и мир», в работе которой приняли участие более тридцати представителей национальных православных церквей [24, с. 6]. Встреча состоялась в рамках программы Всемирного совета церквей «Справедливость, мир и целостность творения». Представители православных церквей выступили с докладами об отношении православия к проблемам войны и мира и практическом участии церквей в деле сохранения мира. От РПЦ выступил профессор В. Бо-

ровой с докладом «Борьба за справедливость и мир во всем мире и вклад РПЦ в дело мира» [24, с. 6].

Одним из значимых международных мероприятий, состоявшихся в Беларуси, стало заседание международной Православно-Реформатской комиссии в Минске 1–8 октября 1990 г. В нем участвовали представители Румынской, Греческой, Сербской православных церквей, а также представители протестантских церквей из ФРГ, Нидерландов, Шотландии, США, Швейцарии и других стран. Минская встреча стала второй в истории православно-реформатского диалога. На ней обсуждались вопросы экуменического сотрудничества христианских церквей для решения различных актуальных для человечества задач: международного мира, экологии, терроризма, социально-политических проблем и т. д. [25].

Ежегодно росло количество иностранных религиозных делегаций, посещавших нашу страну. Так, если в 1980 г. Беларусь посетило 12 делегаций в количестве 72 человека, то в 1987 году их было уже 17 в количестве 212 человек [25]. К концу 1980-х гг., наряду со странами социалистического блока (Польша, Чехословакия, Болгария, ГДР и др.), увеличивалось число делегаций из стран Западной Европы (ФРГ, Франция, Италия, Швейцария, Австрия и др.), Южной и Северной Америки (США, Аргентина, Бразилия), Африки (Египет, Судан, Эфиопия), Азии (Япония, Индия, Ливан, Лаос) и Океании (Австралия) [25]. Как правило, в ходе визитов обсуждались вопросы международной обстановки и единства всех верующих в защиту мира.

Активная миротворческая деятельность митрополита Филарета (Вахромеева) снискала ему высокий авторитет

среди деятелей христианских церквей Европы. Свидетельством признания заслуг владыки стало вручение ему диплома доктора богословия *honoris causa* Прешовского богословского православного факультета (ЧССР, 16 марта 1982 г.), Богословского факультета Университета им. Мартина Лютера (Галле, ГДР, 15 ноября 1983 г.), Словацкого евангелического богословского факультета (Братислава, ЧССР, 14 июня 1985 г.) и Богословского факультета им. Яна Амоса Коменского (Прага, 25 ноября 1986 г.) [26, с. 8–11]. За весомый вклад в дело сохранения мира митрополит Филарет (Вахромеев) был удостоен наград ряда иностранных церквей и антивоенных организаций: ордена святой равноапостольной Марии Магдалины I степени, Ордена святых равноапостольных Кирилла и Мефодия I степени, ордена епископа Франтишека Ходура, почетной медали Национального Совета Национального Фронта, знака «За братскую помощь и сотрудничество» и др. [26, с. 8–11].

Признание заслуг православной церкви в Беларуси в деле защиты мира

Патриотическая и миротворческая деятельность православной церкви в Беларуси и ее представителей была позитивно оценена советским руководством и советскими общественными организациями. 10 октября 1988 г. председатель БРКЗМ писатель И. Шамякин в письме к митрополиту Минскому и Белорусскому Филарету (Вахромееву) отмечал: «Нам приятно констатировать, что Ваше десятилетнее служение в Белорусской епархии ознаменовано активной миротворческой деятельностью и плодотворными контактами с Белорусским комитетом защиты мира и всеми много-

тысячными борцами за мир в нашей республике. <...> Ваше святительское служение дает основание отметить тот большой вклад, который Вы вносите вместе со всеми верующими Белоруссии в дело укрепления мира и разоружения, в дело за мир без войн и сохранения экологической среды» [25].

Многие священнослужители белорусских епархий были награждены за активную миротворческую деятельность. 22 мая 1981 г. митрополит Минский и Белорусский Филарет (Вахромеев) был награжден почетной медалью Советского фонда мира «за заслуги перед Движением сторонников и борцов за мир, за большой личный вклад в дело укрепления мира между народами» [27, с. 51]. При вручении награды митрополит Филарет (Вахромеев) сказал: «Мы воспринимаем эту награду не как личную, а прежде всего как знак внимания и благодарности нашему православному народу, который на протяжении всей истории государства всегда был в первых рядах патриотов, защитников своего Отечества. И сейчас, когда прошло 36 лет со дня окончания войны, мы благодарны Богу за благословенный дар мира; но мы помним еще о том, что без стремления к миру самих людей он никогда не станет реальностью и не сможет быть длительным» [27, с. 52].

За активное участие в движении в защиту мира различных поощрений были награждены в 1981 г. почетными грамотами Советского фонда мира настоятель Александро-Невского храма г. Минска протоиерей Виктор Бекаревич, почетной грамотой — настоятель Минского кафедрального собора, секретарь епархиального управления протоиерей Михаил Буглаков и др., в 1983 г. почетным знаком и почетными грамотами Республиканской комиссии защиты мира — епископ

Пинский Афанасий, протоиерей Евгений Мисеюк, священник Георгий Латушко, диакон Леонид Божко и др.; почетной медалью Советского фонда мира — секретарь Минского епархиального управления, протоиерей Михаил Буглаков; серебряной медалью Советского фонда мира — Василий Копычко и др. [27, с. 51; 28, с. 41].

Со второй половины 1980-х годов, в условиях проводившейся в стране перестройки, прессинг государства на церковь стал снижаться. Огромную роль в этом сыграло празднование 1000-летия Крещения Руси. Оно приобрело характер события общегосударственного масштаба, явилось существенным фактором возрождения религиозной жизни РПЦ в СССР и БССР. Характерной чертой было увеличение количества церквей и приходов. Если в 1988 г. в БССР насчитывалось 369 церквей, в 1989 г. — 477, то к 1990 г. — 660 церквей. По официальным данным, количество верующих увеличилось более чем в два раза [18, с. 21]. В 1989 г. возобновила свою деятельность Минская духовная семинария, начали издаваться «Минские епархиальные ведомости». Важнейшим событием стало создание в 1989 г. Белорусского экзархата Московского Патриархата, который получил административную самостоятельность и собственное управление — Синод во главе с Митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим Экзархом всея Беларуси. Эту должность до 25 декабря 2013 г. занимал митрополит Филарет. В рамках Белорусского Экзархата были образованы в 1989 г. Минская, Полоцкая, Пинская и Могилевская епархии, в 1990 г. — Брестская и Гомельская епархии.

1 октября 1990 г. был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», который законодатель-

но оформил изменение религиозной политики государства. Данный закон значительно расширил права и свободы церкви и верующих, ликвидировал многие ограничения и создал новые условия для деятельности религиозных организаций, в том числе и миротворческой [29].

* * *

Пребывание на посту митрополита Минского и Белорусского Филарета (К. В. Вахромеева) способствовало не только повышению роли и авторитета церкви в общественной жизни республики, но и развитию одного из важнейших направлений ее деятельности — церковного миротворчества. Активная позиция и конкретные шаги митрополита, духовенства, привлечение к этим проблемам верующих способствовали развитию международных связей белорусских епархий, объединению усилий всех людей доброй воли, вступающих в защиту мира.

В конце 1970-х — начале 1990-х гг. происходил процесс активного развития миротворческой деятельности белорусских епархий РПЦ, в результате чего Беларусь стала одним из центров миротворческого движения в Советском Союзе. В данный период появились такие формы церковного миротворчества, как собрания духовенства епархии, на которых обсуждались вопросы миротворческого и патриотического служения духовенства Беларуси, важнейшие события в деятельности РПЦ и международных религиозных организаций; выступления представителей епархии на радио и телевидении по проблемам сохранения мира; участие в мероприятиях, посвященных годовщине окончания войны и освобождению Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Одним

из основных направлений деятельности в защиту мира белорусских епархий являлось участие духовенства и верующих в советском движении сторонников мира. И хотя оно инспирировалось государством, тем не менее позволяло церкви позиционировать свою приверженность идеям мира и защиты жизни на Земле, а также оказывало влияние на улучшение государственно-церковных взаимоотношений.

Во многом благодаря деятельности митрополита Филарета значительно расширились и приобрели систематический характер международные контакты белорусских епархий, появились новые формы их сотрудничества с зарубежными религиозными церквями и организациями. Среди них — посещение зарубежными религиозными делегациями БССР, поездки белорусских священнослужителей за рубеж для участия в международных форумах в защиту мира, международные религиозные мероприятия в республике (конференции, встречи, консультации) и т. д.

Миротворческая деятельность белорусских епархий, духовенства и самого митрополита Филарета была высоко оценена не только советским руководством и советскими антивоенными организациями, но и зарубежными церквями и религиозными организациями.

Список источников и литературы

1. Правящие архиереи Минской епархии (1793–2003) / Авт.-сост.: иерей Н. Коржич [и др.]. Минск, 2003.
2. Верашчагіна А. У. Гісторыя канфесій на Беларусі ў другой палове XX стагоддзя. Мінск, 1999.

3. Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць: зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 7–8 кастр. 2004 г. / Рэдкал.: У. П. Люкевіч [і інш.]. Брэст, 2005.
4. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Взыскание царства. Киев, 2005.
5. Гапанович И. Белорусская Православная Церковь в послевоенный период (1945–1958 годы). Жировичи, 2010.
6. Прием митрополита Минского Филарета Председателем Совета Министров БССР В. И. Бровиковым // Журнал Московской Патриархии, 1983, № 12.
7. Петрашкевич А. А. Жизнь на пути правды: Митрополит Филарет из рода Вахромеевых. Минск, 2010.
8. Круглова Г. А. Христианская глобалистика: генезис и основные концепции: учеб. пособие. Минск, 2007.
9. Митрополит Минский и Белорусский Филарет. Изберем Жизнь! М., 1987.
10. Митрополит Филарет (Вахромеев). Вспросите Господа за меня... Минск, 2008.
11. Иностранцы гости. 1984–1986 гг. // Архив Минского епархиального управления. — Ф. 1. Оп. 1
12. Митрополит Минский и Белорусский Филарет. Выступление в телевизионной программе «Время» (1 сентября 1986 года) // Журнал Московской Патриархии, 1986, № 12.
13. Интервью митрополита Минского и Слуцкого Филарета для книги «На службе Церкви. К 65-летию Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата» (URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1584884.html>. Дата обращения: 25.08.2012).
14. Протокол совместного пленума БКЗМ и БОСФМ от 20 декабря 1986 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1306. Оп. 1. Д. 168.
15. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 122. Стенограмма 3-й Республиканской конференции сторонников мира.

16. Протоиерей Буглаков М. День Победы в Минске // Журнал Московской Патриархии, 1980, № 8.
17. Кривонос Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской духовной семинарии. Минск, 2008.
18. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX стст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; пад рэд.: У. І. Навіцкага. Мінск, 1998.
19. Из жизни епархий: Минская епархия // Журнал Московской Патриархии, 1982, № 8.
20. Из жизни епархий: Минская епархия // Журнал Московской Патриархии, 1985, № 1.
21. Заседание Международного секретариата ХМК (Минск, 15–19 сентября 1986 года). Коммюнике // Журнал Московской Патриархии, 1987, № 1.
22. Пятая мирная конференция христиан СССР и Японии, 19–26 мая 1987 г. // Архив Минского епархиального управления (АМЕП). Ф. 1. Оп. 1.
23. Единство христиан. Хроника, Братский Вестник, 1988, № 1.
24. Межправославная консультация «Православные воззрения на справедливость и мир» (4–12 мая 1989 года) // Минские Епархиальные Ведомости, 1989, № 9.
25. Иностранцы гости. 1990 год // Архив Минского епархиального управления. Ф. 1. Оп. 1.
26. Митрополит Филарет (Вахромеев). К 60-летию со дня рождения: биобиблиогр. справочник / Сост.: Т. А. Самойлюк, И. В. Мельник [и др.]. Минск, 1997.
27. Трофимов С. Вручение наград Советского фонда мира // Журнал Московской Патриархии, 1981, № 9.
28. Трофимов С. Вручение награды Советского фонда мира // Журнал Московской Патриархии, 1983, № 12.
29. О свободе совести и религиозных организациях // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 41.

Стариченок В. В.

Внешняя политика Республики Беларусь: от логики обособления к логике союза

В статье анализируются основные концепции и направления внешней политики Республики Беларусь с 1991 г. по настоящее время, а также ее оценки в современных учебных пособиях для высших учебных заведений РБ. Делается вывод об альтернативах белорусской геополитической ориентации.

Ключевые слова: Республика Беларусь, дипломатия, международные отношения, идеология внешней политики, Союзное государство Беларуси и России, Польша, Россия.

В 1991 г. Республика Беларусь обрела независимость и вышла на международную арену в качестве молодого европейского государства. Собственная субъектность в мире после холодной войны потребовала выстраивания самостоятельного внешнеполитического курса. Так как советские идеологемы с распадом Советского Союза были сходу отвергнуты, то новая субъектность не могла формироваться на основе марксистской идеологии в ее советском варианте. Постсоветские реалии требовали переоценки внешней политики прошлого и ее подстраивания под геополитические будни начала 1990-х гг.

Стержнем прежней идеологии был интернационализм, а история редуцировалась к последовательному и поэтапно-

му процессу объединения разрозненных образований в единое целое и создания в финале коммунистического рая, где «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Одновременно в СССР понимали важность национального элемента и посредством создания республик пытались осуществить синтез национализма и интернационализма. Однако коммунистический проект потерпел крах. После этого доминирующим трендом истории стал не интернационализм, а национализм. Не была исключением и белорусская историография, националистическим перекосам которой посвятил значительную часть одной из своих монографий член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси П. Т. Петриков [5].

Постсоветский национализм оказался не столько инструментом выделения себя среди других, сколько инструментом обособления. Объектом обособления стала бывшая советская империя, центральным звеном которой была Россия. Противопоставляя себя империи, национализм приобрел радикальные формы, породившие русофобию и культивировавшие страх поглощения маленьких и беззащитных государств более сильной Россией. В результате национализм стал рычагом купирования российского влияния в постсоветском мире. Важность такого положения дел определялась тем, что антироссийская риторика взращивалась на границах России и зачастую исходила изнутри, мотивируя население на геополитический выбор в пользу Запада и отказ от союза с Москвой.

История внешней политики Беларуси стала интерпретироваться как история «обособления от». Попыткам древнебелорусских княжеств обособиться дается исключительно

положительная оценка, а исторические события трактуются как непрестанная борьба за гегемонию в восточнославянском мире, которую Беларусь проиграла. Включение Беларуси в состав Российской империи подается как трагедия, а дальнейшая история трактуется как постепенное высвобождение страны от российского ига. В таком контексте обретенная в 1991 г. независимость является бесспорным достижением, а союзнические отношения с Россией становятся тормозом, препятствующим дальнейшему высвобождению республики.

Такая линия просматривается в пособии доктора исторических наук, профессора В. Е. Снапковского «История внешней политики Беларуси». Видимо, ученый считает ошибкой выбранный на рубеже тысячелетий путь включения страны в православную цивилизацию. Об этом он пишет следующее: «Распространение в Беларуси греко-византийского православия имело неоднозначные последствия. Построенный православной церковью идеологический барьер на многие века отделил восточнославянские народы от Западной Европы и стран Востока... Культурное “опоздание” белорусского общества как результат этого религиозно-идеологического изоляционизма в дальнейшем стимулировало передовых деятелей Беларуси отдавать предпочтение контактам со странами Центральной и Западной Европы» [6, с. 25]. В установке на преодоление многовековой изоляции от Запада больше вопросов, чем ответов. Стремление догнать Европу и встроиться в систему «правильных» европейских ценностей легко может обернуться опрокидыванием тысячелетней истории и стиранием «ошибок» прошлого, как это проделывают, например, в Киеве, пыта-

ясь выстроить националистическую версию истории своей страны [9].

Гораздо тоньше направляет взгляд читателя в сторону Запада историк А. Котлярчук. Выпячивая значение скандинавской традиции на Руси, он отмечает следующее: «Скандинавская держава “Русь”, политическая власть в которой принадлежала шведским викингам, овладела всеми речными путями от Балтики до Черного моря» [2, с. 4]. При этом А. Котлярчук воздержался от комментариев относительно воздвигнутых религией идеологических барьеров, поставив в один ряд принятие христианства Владимиром в 988 г. с христианизацией «других скандинавских владений»: Нормандии в 912 г., английского Йорвика в 943 г., Дании в 965–986 гг., Норвегии в 995–1000 гг., Исландии в 1000 г., Готланда в 1008 г. и Швеции в 1050–1100 гг. [2, с. 39]. Крещение Полоцка он связывает с деятельностью викинга Торвальда, принявшего христианство в Ирландии в 980 г. После встречи с византийским императором Василием II Торвальд прибыл в 986 г. с миссией в Полоцк, где основал церковь и монастырь святого Иоанна. «Таким образом, — заключает А. Котлярчук, — крещение Беларуси... состоялось не в 988, а в 986 году». В память об этом он предложил основать церковь «в честь нашего первого святого» и создать икону святого Торвальда «как символа духовного единства белорусов» [1, с. 235–236]. Соответствующая трактовка интересна тем, что отсылает читателя к истокам Междуморья, в котором восточнославянские государства когда-то были нанизаны на ось скандинавского мира, а прочерченный Западной Европой в Синеокой путь оказался преданным забвению.

У Е. В. Снапковского субъектность белорусской политики подчеркивается посредством выпячивания борьбы белорусских княжеств с Киевом. Гораздо меньше профессор комментирует другие события белорусской истории этого периода, например такие: «Туровские князья участвовали практически во всех карательных экспедициях Киева против Полоцка и других городов Полоцкой земли. Соответственно, Туровская земля становилась объектом атак полоцко-минских князей. Так, в 1116 г. Глеб Минский сжег Слуцк. В 1157 г. Полоцк вошел в состав антитуровской коалиции, и его дружина участвовала в осаде Турова» [6, с. 22]. Правомерно спросить, на какой ступени допустимо героизировать обособление той или иной политической единицы? И если положительно оценить обособление Полоцка от Киева, то почему бы не сделать то же самое в отношении обособления Турова от Полоцка? И не может ли союз Турова с Киевом в далеком прошлом быть аргументом в пользу того, чтобы назвать туровскую землю исконно украинской? Ничего хорошего для Беларуси разворачивание подобной логики не несет.

До упоминания инициированной Киевом «карательной экспедиции» против Турова Е. В. Снапковский рассказал о таком же по сути походе Полоцка на Новгород 1066 г., в результате которого «войска Всеслава завладели Новгородом, разбили и сожгли город, после чего беспрепятственно вернулись в Полоцк» [6, с. 18]. Если сам Всеслав Чародей во времена расцвета полоцкой государственности не гнушался карательными походами, то почему такая коннотация закладывается исключительно в отношении Киева? Вместо того чтобы назвать сложившуюся ситуацию классическим

феодалным раскладом, характерным для средневековой эпохи, автор пособия вышел на весьма грубую идеологическую мифологию: «Туровщина сохранила свою обособленность и самобытность, несмотря на отсутствие политической самостоятельности. Чувствуя всю тяжесть зависимости от Киева, она никогда не мирилась со своим подневольным положением» [6, с. 21–22]. В таких деталях и проявляется идеологическое измерение истории, позволяющее интерпретировать отдельные события в логике избранной автором политической конъюнктуры.

Интерпретация прошлого имеет непосредственное отношение к современности, так как проецируемые в массы мифы могут подрывать общественное согласие внутри общества и формировать политически ангажированное отношение к действительности. Поэтому мы видим совершенно разные версии истории нашего региона — белорусскую, литовскую, польскую, российскую, украинскую и т. д. При этом исторические трактовки, выгодные по каким-то соображениям одним, далеко не всегда полезны другим. К примеру, героизация Киевом С. Бандеры и деятельности Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии никогда не найдет такого отклика в Польше, какой она нашла на Украине. В Варшаве действия УПА против поляков называют геноцидом.

Для Беларуси наиболее опасна дискредитация советского периода истории. Очернение советской эпохи не только лишит белорусов целой плеяды героев, но и разрушит историческую преемственность, которая прослеживается по линии «Тутэйшыя» — БССР — Республика Беларусь. Конечно, корни белорусской традиции гораздо древнее. Однако она

слишком долго находилась под внешним влиянием. Поэтому выхолащивание памяти о БССР, внутри которой собрался белорусский народ и границы которой очертили суверенную Беларусь, растворит белорусскую идентичность, замкнув ее на бесконечных спорах о соотношении белорусскости и русскости, белорусскости и польскости, белорусскости и литовскости. И споры эти будут не укреплять субъектность независимого государства, а, напротив, расшатывать ее [7; 8].

В националистической интерпретации истории в качестве критерия важности внешнеполитических событий закладывается порыв к независимости, который практически в любой его форме оценивается положительно и наделяется позитивными коннотациями. В результате мы имеем такие казусы, как идеализация Белорусской народной республики (БНР) и повышенное внимание именно к этому эпизоду истории, героизация коллаборационизма как примера борьбы за независимость, оценка советской эпохи как периода оккупации и т. д. Если посмотреть на этот ряд внимательно, то мы увидим последовательность провалов и неудач [1] и вырождение союзной логики, обернувшейся добровольным союзом с гитлеровцами и прямым участием либо соучастием националистов-коллаборационистов в истреблении белорусского народа. Конечно, про все это нужно знать. Однако здоровая национальная история должна напитываться достижениями и успехами, а не бесплодными попытками и одержанными неудачами.

Другая проблема националистического подхода в оценке внешней политики заключается в том, что непрестанная конфронтация с соседями позиционируется как нормаль-

ное явление, а специфика феодальных времен проецируется на современность. В результате доминантой во взаимоотношениях между государствами становится не система выстроенных союзов, а череда конфликтов, в которых погрязло государство. В такой ситуации территория Беларуси ставится в положение осажденной крепости, вокруг которой одни лишь враги, желающие сожрать маленькую страну. Закономерный итог — деконструкция союзной логики, так как помощь может прийти только от тех, кто готов вырвать белорусское государство из лап условного гегемона. В результате страна становится объектом воздействия на нее внешних сил, заинтересованных в ослаблении этого гегемона.

Гегемоном для Беларуси является Россия. По отношению к ней и выстроена союзная логика, которая последовательно реализуется в рамках Союзного государства, Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности. К тому же Беларусь — единственная республика постсоветского пространства, где русский язык имеет равный статус с национальным языком. На Республиканском референдуме 1995 года за это проголосовали 83,3 % пришедших на голосование граждан, а в статье 17 Конституции РБ записано, что «государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки» [4, с. 7]. Именно смычка Беларусь — Россия оказалась наименее поддающейся разрушению, а русофобские настроения в республике приглушены и несравнимы с тем, что происходит в странах Балтии и на Украине.

В. Е. Снапковский также отмечает, что «главным вектором внешней политики стала Россия» [6, с. 411]. Однако в его пособии российско-белорусским отношениям после

1991 г. уделяется чуть больше трех страниц. О деятельности же БНР написано более двадцати страниц. И здесь ученый занимается откровенной исторической спекуляцией, делая выводы, которые противоречат им же озвученным фактам. К примеру, он приводит шесть случаев, когда Германия проигнорировала БНР по ключевым для самопровозглашенной республики вопросам. Несмотря на это, профессор заключает, что в Берлине признали БНР де-факто и рассуждает о «молчаливом или подразумеваемом признании» со стороны других государств: Латвии, Литвы, Польши, Чехословакии и т. д. [6, с. 259–260]. Чего стоили все эти «признания», хорошо иллюстрирует пример Латвии, которая в 1920 г. разорвала дипломатические отношения с БНР, а правительству республики во главе с В. Ластовским предложила убраться из страны.

Если бы БНР признали реально, то Е. В. Снапковскому не нужно было бы заниматься казуистикой, а приведенные им факты дополнили бы историю успеха. Однако профессор изложил типичную историю поражения. Объективно оценили реальность французские дипломаты, сказавшие в 1919 г. председателю правительства БНР А. Луцкевичу следующее: «Если бы вы имели хотя бы кусочек земли, где были бы хозяевами, вопрос о признании независимости БНР был бы решен положительно и вы получили бы помощь» [6, с. 262]. Однако независимая республика не контролировала территорию, которой хотела управлять. Не было единства и среди ее лидеров. Трижды в Раде произошел раскол. Первый раз это случилось в апреле 1918 г. из-за телеграммы, посланной немецкому кайзеру Вильгельму II, второй раз — в декабре 1919 г., когда мнения разошлись относительно внешнеполи-

тической ориентации БНР: одни выступали за союз с Польшей (А. Луцкевич), другие — за союз с Литвой (В. Ластовский). Третий раскол произошел в 1925 г. и был вызван тем, что председатель правительства БНР А. Цвикевич ликвидировал правительство самопровозглашенной республики и признал «единым центром белорусского возрождения» столицу БССР Минск. Однако председатель Рады БНР П. Кречевский и его заместитель В. Захарко не согласились с решением А. Цвикевича и продолжили свою деятельность в эмиграции.

Представим, что когда-нибудь Беларусь выдавят из союза с Россией. Это тут же вовлечет страну в сферу влияния другого гегемона, скорее всего Польши. К слову говоря, ни с Польшей, ни с Евросоюзом у нас нет такого отлаженного и десятилетиями выстраивавшегося механизма союзного взаимодействия, какой есть с Россией. И если с Россией периодически и вспыхивают споры и разногласия, то она никогда не вводила против нас санкции, как это делала Европа. Трактую историю внешней политики в логике обособления и осажденной крепости, мы придем к тому, что республике придется искать противовес польскому миру. Им неизбежно окажется Россия. Ни к чему хорошему шатания между Варшавой и Москвой не приведут, а геополитические развороты моментально превратят Беларусь из полюса стабильности, какой она сейчас является, в очередной очаг напряженности, как это произошло с Украиной. На сегодняшний день Синеокой выгоднее выстраивать конструктивные отношения с соседями, оставаясь при этом в союзе с Россией, быть ареной межцивилизационного диалога, а не местом столкновения цивилизаций.

Список литературы

1. Дзермант А. О белорусских национальных символах / А. Дзермант // ІМНОclub. 2015. 13 ноября [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://imhoclub.by/ru/material/o_belorusskih_nacionalnih_simvolah. Дата доступа: 11.08.2018.
2. Катлярчук А. Місія Торвальда Вандроўніка, або Скандынаўскія пачаткі хросту Беларусі / А. Катлярчук // Катлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. С. 231–236.
3. Катлярчук А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. 328 с.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2014. 64 с.
5. Петриков П. Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е — начало 2000-х годов) / П. Т. Петриков. Минск: «Белорусская наука», 2007. 292 с.
6. Снапковский В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. Минск: БГУ, 2013. 495 с.
7. Стариченок В. В. Белорусская государственность: идеологические вызовы и опасные мифы / В.В. Стариченок // Актуальныя пытанні сучаснай навукі: зб. навук. прац / рэдкал.: Г. В. Торхава (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДПУ, 2017. С. 51–55.
8. Стариченок В. В. Пять исторических мифов, опасных для белорусской государственности / В.В. Стариченок // Евразия. Эксперт. 2017. 31 января [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eurasia.expert/pyat-istoricheskikh-mifov-opasnykh-belorusskoj-gosudarstvennosti/>. Дата доступа: 31.01.2017.

9. Cohen J. The Historian Whitewashing Ukraine's Past / J. Cohen [Electronic resource] // Foreign Policy. May 2, 2016. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/>. Date of access: 25.04.2017.

МНЕНИЕ

17 сентября в истории белорусского народа

«День воссоединения великого белорусского народа в едином Белорусском государстве», — *Сергей Александрович Третьяк*, кандидат исторических наук, заведующий отделом новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси.

— **Какова роль сентябрьских событий 1939 года в истории Беларуси? Что им предшествовало?**

События сентября — октября 1939 г. занимают особое место в истории белорусской государственности.

Существование государства невозможно без территории. Территория, или, как учили наши славянские предки, родная земля, всегда была объектом пристального внимания со стороны захватчиков. Поэтому все военные конфликты прошлого и настоящего обязательно связаны с территориальным вопросом. Но сегодня очевидно и другое: географические размеры государства — это ее стратегический ресурс и важнейший аргумент в геополитическом противоборстве.

Территория Беларуси, находясь на важном геополитическом перекрестке Европы, неоднократно становилась ареной крупнейших военных столкновений. Не было исключением и начало XX в. Общие людские потери Беларуси в 1914–1921 гг. превысили 1,5 млн человек. Огромны были материальные потери страны. Однако горше всего было расчленение земель, населенных белорусским народом, между государствами с диаметрально противоположными социально-экономическими и политическими системами и геополитическими интересами.

18 марта 1921 г. в Риге был заключен «окончательный сильный, честный и основанный на взаимном согласии мир», который подвел итог периоду военно-политических конфликтов 1914–1921 гг. на Востоке Европы. Необходимо подчеркнуть, что Рижский мирный договор был подписан делегациями Польши, РСФСР и УССР в отсутствие и без участия делегации Беларуси. Белорусская нация и ее этническая территория после Рижского мирного договора оказалась разделенной на части. Однако реальная жизнь быстро показала, что искусственный разрыв единого этносоциального организма белорусской нации — большое препятствие для проведения национально-государственного и культурного строительства.

По условиям Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. Западная Беларусь вошла в состав Польши. Губернии Восточной Беларуси остались в составе России. Процесс национально-государственного строительства был продолжен лишь в шести уездах бывшей Минской губернии с населением 1,5 млн человек, составивших территорию Белорусской ССР. Советская Беларусь стала республикой — основателем Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и центром собирания белорусских земель и белорусского народа в едином Белорусском государстве — «Белорусским Пьемонтом».

В результате воссоединения, проведенного в 1924 г. и 1926 г., в состав Белорусской ССР были возвращены из состава РСФСР белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Воссоединение Восточной Беларуси с БССР создало более благоприятные условия для экономического, социального и культурного развития белорусского народа и его государственности. В сентябре — ноябре 1939 г. была восстановлена историческая справедливость,

и земли Западной Беларуси, захваченные Польшей, воссоединились с БССР.

В принятой 29 октября 1939 г. Народным собранием Западной Беларуси декларации было подчеркнуто, что воля белорусского народа является высшим законом. Народное собрание постановило: «Просить Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик принять Западную Беларусь в состав Советского Союза и Белорусской Социалистической Республики, сплотить белорусский народ в единое государство и положить тем самым конец разъединению белорусского народа».

Таким образом, в результате военно-политических событий сентября — ноября 1939 г. была восстановлена историческая справедливость. Территория Беларуси вновь обрела целостность, вернулась в русло вековой исторической традиции. С этого времени национальное единство явилось важнейшей предпосылкой для стремительного национально-государственного развития, общего поступательного движения белорусской нации к прогрессу. По итогам Второй мировой войны Беларусь стала государством — учредителем Организации Объединенных Наций и обрела международно-правовую субъектность. Можно сказать, что без 17 сентября 1939 г. не было бы современной Республики Беларусь.

— Как события сентября 1939 года воспринимаются в белорусской исторической науке?

В мировой истории есть примеры, когда те или иные народы волею судьбы оказались на определенное время разобщены. Некоторые из них находятся в таком положении и сейчас. Это отрицательно сказывается на разных сторонах жизнедеятельности общества, не способствует его консолидации,

противоречит тенденциям общечеловеческого развития. В таком же положении в 1921 г. оказался белорусский народ.

На протяжении межвоенного времени политическое, экономическое и социокультурное развитие разделенных частей единого народа протекало в противоположных направлениях. В настоящее время отечественные историки более пристально, чем их предшественники, всматриваются в Западную Беларусь 1921–1939 гг., поскольку в это время в данном регионе сформировался интересный локальный вариант современного социума, во многом наследовавший тенденциям, наметившимся в Беларуси еще до Первой мировой войны 1914–1918 гг., и являвшийся альтернативой социалистической модернизации, которая проводилась в Белорусской ССР. Однако эта альтернатива так и не стала альтернативой советскому «Белорусскому Пьемонту». И главную роль здесь сыграло изначальное неравенство стартовых позиций Западной Беларуси и Беларуси Советской. Образованная как буферная на территории Минской губернии, БССР, вторично провозглашенная 31 июля 1920 г., изначально обладала как суверенитетом, так и всеми атрибутами государства — территорией, населением, системой органов публичной власти, правовой системой и финансами. Она реально собрала вокруг себя земли Восточной Беларуси и, несмотря на все жертвы и издержки, выстроила к концу 1930-х годов полноценную современную белорусскую советскую нацию. Важно и то, что приграничный с Польшей Минск, являвшийся столицей БССР, и на Востоке, и на Западе воспринимался как столица всей Беларуси, расположенный в центре страны главный город всех белорусов. Наоборот, Западная Беларусь в составе межвоенной Польши не имела даже самой

кущей территориально-административной и хозяйственной автономии, а белорусская культура в ней была действиями польского правительства и местных властей с самого начала поставлена в условия постоянной борьбы за выживание.

Несмотря на то, что в соответствии с условиями Рижского мирного договора 1921 г. и Конституции Польской Республики 1921 г. гарантировались права национальных меньшинств на свободное национально-культурное развитие, эти права на практике постоянно и целенаправленно нарушались.

Польские власти проводили в Западной Беларуси колониальную политику, направленную на уничтожение этнокультурной самобытности белорусского народа. Особенно отчетливо это проявилось в образовательной сфере. Так, если в начале 1920-х годов в Западной Беларуси функционировали 2 белорусские учительские семинарии, 8 белорусских гимназий и около 400 начальных белорусских школ, то в 1938/1939 учебном году не осталось не одной белорусской школы. Белорусским организациям, осуществлявшим культурно-просветительскую деятельность, польскими властями чинились постоянные препятствия, к 1939 г. большинство из них были ликвидированы. В этих условиях белорусам угрожала неизбежная этническая ассимиляция.

Надо признать, что акт несправедливости, совершенный в отношении белорусского народа в Риге, не мог не вызвать адекватных действий со стороны той части белорусской национальной элиты, которая была категорически не согласна с заключением Рижского мирного договора. И речь идет здесь не о действиях советских армейских разведывательно-диверсионных отрядов, оперировавших в 1921–1925 гг.

на территории Польши в рамках т. н. «активной разведки». Летом 1921 г. в Западной Беларуси был создан Центральный белорусский повстанческий комитет. Главную роль в руководстве партизанской борьбой играли белорусские эсеры. Весной 1922 г. белорусские партизаны (до 10 тыс. человек) перешли к активным действиям против польских властей. По официальным сведениям, в 1922 г. были зафиксированы 878, а в 1923 г. — 503 боевые партизанские операции. Наиболее интенсивной партизанская борьба была на Белосточчине и Гродненщине. Чтобы сломить партизанское движение, польские власти усилили полицейский террор. В 1923 г. польским войскам удалось нанести ряд крупных поражений белорусским партизанам. Ставка белорусских эсеров на вооруженную борьбу не оправдалась, их партия была практически уничтожена. Тем самым перестал существовать политический центр, выдвигавший и отстаивавший проект социалистической модернизации всей Беларуси, альтернативный коммунистическому. Вместе с тем лозунг подготовки вооруженного восстания с целью самоопределения Западной Беларуси и объединения всех белорусских земель в республику крестьян и рабочих был актуален в лагере белорусской революционной демократии до 1927 г.

Кроме вооруженных методов борьбы за свои законные права, белорусы использовали также и легальные формы борьбы, хотя легальной парламентской и непарламентской борьбе белорусов за свои гарантированные законом и международными договорами права и свободы Польским государством чинились огромные, зачастую практически неодолимые препятствия посредством полицейских провокаций и репрессий. Так, в результате выборов в польский

сейм в конце 1922 г. Блок национальных меньшинств собрал в Западной Беларуси 286 тыс. голосов. Это был огромный успех белорусских национально-демократических сил. 14 избранных депутатов представляли практически все наиболее значимые тогдашние белорусские политические партии. Из числа депутатов был образован Белорусский посольский клуб во главе с Брониславом Адамовичем Тарашкевичем, практическая деятельность которого была направлена на отстаивание национальных и социальных прав белорусского народа. Майский государственный переворот 1926 г. и установление в Польше режима личной власти Юзефа Пилсудского резко сузили возможности легальной борьбы белорусов за свои права. Это продемонстрировал разгром польскими властями в 1927 г. Белорусской крестьянско-работницкой громады — крупнейшей белорусской политической партии революционно-демократического лагеря. Однако, несмотря на это, в 1928–1930 гг. в нижней палате Сейма Польской Республики действовал Белорусский рабоче-крестьянский посольский клуб «Змаганне», объединявший близких к Коммунистической партии Западной Белоруссии депутатов.

С 1923 г. гегемония в белорусском революционно-демократическом движении в Западной Беларуси перешла в руки коммунистов, всецело ориентировавшихся на БССР и пользовавшихся массовой поддержкой крестьян, рабочих и народной интеллигенции, причем не только белорусов по национальности. Деятельность их оппонентов-союзников из числа белорусских национальных демократов имела важное значение, но являлась в целом второстепенным фактором. Неспособность после 1927 г. добиться освобождения Западной Беларуси собственными силами привела

белорусское национально-освободительное движение к ориентации на те внешние центры силы, которые ставили целью ревизию Версальско-Вашингтонско-Рижской международной системы и пересмотр послевоенных государственных границ. Таковыми для белорусской национальной демократии были до 1934 г. СССР и БССР, до 1923 г. — Литва, после 1934 г. — Германия. Коммунисты Западной Беларуси изначально ориентировались только на БССР и СССР и не отказались от этой ориентации даже после несправедливого роспуска КПЗБ Исполкомом Коминтерна в 1938 г.

Лишь в сентябре 1939 г., с началом Второй мировой войны, в обстановке краха Польского государства и ввода войск Красной армии на территорию Западной Беларуси произошло окончательное воссоединение всего белорусского народа в едином национальном Белорусском государстве, каковым в это время являлась только Белорусская ССР. И надо признать, данный факт приветствовали и восприняли как должное и коммунисты, и белорусские национальные демократы.

— *Может ли стать день 17 сентября праздником народного единства в Беларуси? Или лучше здесь подходит слово «воссоединение»?*

Вопрос о необходимости включения дня воссоединения белорусского народа в календарь памятных дат общественно-политических праздников нашей страны стал актуален уже осенью 1939 г. Так, Народное собрание Западной Беларуси 30 октября 1939 г. объявило 17 сентября Днем освобождения трудящихся Западной Беларуси от гнета буржуазии и помещиков. Именно в таком качестве этот день и был торжественно и широко отпразднован в 1940 г. в западных областях БССР.

После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. день 17 сентября отмечался в Белорусской ССР неофициально и максимально скромно, поскольку центральное советское руководство не считало оправданным лишним раз обижать ставшую важным политическим, экономическим и военным союзником СССР Польшую Народную Республику и беречь раны польской исторической памяти. Ради этого, по мнению Москвы, можно было даже умолчать о знаменательном событии в истории одной из республик — основательниц СССР, а именно о воссоединении коренных белорусских земель в едином Белорусском государстве. Результат, однако, оказался прямо противоположным — стигматизация 17 сентября в исторической памяти поляков, густо замешанная на историческом реваншизме, и негативная мифологизация в исторической памяти белорусов, в первую очередь белорусской интеллигенции. Ненормальность создавшегося положения отмечали на встрече в Минском горкоме КПБ 14 сентября 1989 г. ветераны КПЗБ Н. С. Орехво, Е. И. Скурко (Максим Танк), Н. Е. Авхимович и др. По результатам встречи секретарь Минского горкома КПБ В. Галко внес 22 сентября 1989 г. на рассмотрение ЦК КПБ предложение об установлении в БССР общественно-политического праздника — Дня воссоединения Западной Беларуси с Белорусской ССР. В качестве возможных дат назывались 17 сентября — день освобождения Западной Беларуси частями Красной армии — и 28 октября — день принятия Народным собранием Западной Беларуси в г. Белостоке декларации о вхождении Западной Беларуси в состав БССР. Однако Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР №3057-ХІ от 11 января 1990 г., установивший День воссоединения

Западной Беларуси с Белорусской ССР в качестве праздничного, объявил этим днем 14 ноября — день принятия 3-й (внеочередной) сессией Верховного Совета Белорусской ССР закона «О принятии Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики».

Таким образом, День воссоединения Западной Беларуси с Белорусской ССР (14 ноября) пополнил перечень праздничных дней Советской Беларуси. Однако его нет в числе праздничных дней независимой Республики Беларусь. И логику «Не надо обижать поляков», «Не надо ссориться с Польшей», которая легла в основу политики исторической памяти Белорусского государства в данном вопросе, иначе как ущербной не назовешь. О славных датах своего прошлого мы обязаны говорить во весь голос сами, и на наше прошлое мы обязаны смотреть своими и только своими глазами, в противном случае просто не заметим, как лишимся и своей исторической памяти, и своей истории.

Я за то, чтобы **День воссоединения великого белорусского народа в едином Белорусском государстве (День национального единства)**, будет ли это 17 сентября, 28 октября или 14 ноября, не только входил в число государственных праздников Республики Беларусь, но и отмечался на государственном уровне. Ведь главным уроком, который Беларуси и белорусам следует извлечь из итогов военно-политических конфликтов 1914–1921 гг., почти двух десятилетий существования в качестве разделенного народа и военно-политических событий осени 1939 г., является жизненная необходимость сильного независимого и суверенного Белорусского государства — единственного гаранта целостности и неделимости территории страны, присутствия

Беларуси в международном сообществе в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, а не бессильного объекта геополитических устремлений внешних сил.

«Тэзіс “Вызвалення” быў і застаецца элементом савецкай прапаганды», — Смалянчук Аляксандр Федаравіч, доктар гістарычных навук, прафесар Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта (Вільнюс), дырэктар Інстытута гістарычных даследаванняў (ЕГУ), заснавальнік інтэрнэт-праекта «Беларскі архіў вуснай гісторыі».

— Якое значэнне падзей верасня 1939 года ў гісторыі Беларусі?

— Аб'яднанне беларускай зямлі і беларускага народу ўвосень 1939 г. — адна з найважнейшых падзеяў нашай гісторыі ў XX ст. Толькі нельга забываць, што гэтае аб'яднанне адбылося ў сталінскім ГУЛАГу пасля паразумення паміж Сталіным і Гітлерам, якое таксама прывяло да пачатаку Другой сусветнай вайны..

— Як жыхары Заходняй Беларусі прынялі прыход Чырвонай Арміі ў верасні 1939 года?

— Дадзеныя вуснай гісторыі дазваляюць сцвярджаць, што значная частка насельніцтва Заходняй Беларусі, у тым ліку праваслаўныя беларусы і частка габрэйскай супольнасці, віталі прыход Чырвонай арміі. Міжваенная Польшча не стала сапраўднай Айчынай для многіх жыхароў Заходняй Беларусі, якія адчувалі сябе людзьмі «другога гатунку». Але хутка радасць змянілася расчараваннем у палітыцы «першых саветаў» і страхам перад рэпрэсіямі. У той жа час агрэсія СССР для палякаў была сапраўднай трагедыяй. Менавіта яны сталі «ахвярай № 1» для савецкай улады і яе карных органаў. Важ-

най старонкай гэтай трагедыі быў удзел беларусаў і габрэяў у расправах з польскім насельніцтвам. Звычайна яны былі інспіраваныя новай уладай, якая імкнулася чужымі рукамі праводзіць палітыку рэпрэсій, але гэта не здымае адказнасці з непасрэдных забойцаў і рабаўнікоў.

— *Ці было гэта «вызваленне» або «заняволенне»? Ці было аднадушыша ў гэтым плане?*

— Тэзіс «Вызвалення» быў і застаецца элементам савецкай прапаганды. Ні Сталін, ні Гітлер ніколі не думалі пра «вызваленне беларусаў». Гэта было заняволенне і нават бяднейшая частка насельніцтва Заходняй Беларусі вельмі хутка гэта адчула і зразумела. Вось толькі страх не дазваляў казаць пра гэта ўголас.

— *Якімі запомніліся салдаты Чырвонай Арміі сведкам тых падзей?*

— Вусныя ўспаміны сведкаў наступлення Чырвонай арміі сведчаць пра расчараванне мясцовых жыхароў знешнім выглядам, тэхнікай і ўзбраеннем «першых саветаў». Савецкая прапаганда крычала пра магутнасць Чырвонай арміі і СССР, а выгляд салдат і афіцэраў сведчыў зусім пра іншае. Сведкі распавядалі пра галодных і змучаных салдат, што не мелі нават ботаў, коней памерам з сабаку, пра вінтоўкі, якія боўталіся на шнурках ды інш.

— *Як на занакадаўчым узроўні адбылося ўключэннем Заходняй Беларусі ў склад БССР?*

— Далучэнне Заходняй Беларусі занакадаўча было аформлена 14 лістапада 1939 г., калі сесія Вярхоўнага Савета БССР прыняла ў склад рэспублікі Заходнюю Беларусь. Але, насамрэч, да чэрвеня 1941 г. захоўвалася старая «Рыжская» мяжа з савецкімі памежнымі заставамі, якая па-ранейшаму

падзяляла Беларусь. Жыхары яе заходняй часткі не мелі магчымасці свабодна наведваць усход БССР і яе сталіцу. Толькі агрэсія нацысцкай Германіі канчаткова зліквідавала гэтую мяжу...

— Як праходзіла палітыка саветызацыі ў Заходняй Беларусі? Якую ролю ў гэтым мелі рэпрэсіі?

— Рэпрэсіі супраць «сацыяльна і нацыянальна чужых» былі галоўным элементам палітыкі саветызацыі. Фактычна, толькі шляхам рэпрэсій сталінскі СССР мог забяспечыць уласнае панаванне на захопленых землях. Іншых рэсурсаў камуністы не мелі.

— Ці дапускаліся выхадцы з Заходняй Беларусі да кіраўніцтва ўключанымі ў склад БССР тэрыторыямі?

— «Першыя саветы» таксама засталіся ў памяці як час панавання «ўсходнікаў». Менавіта яны былі галоўным кадравым рэсурсам новай улады. Мясцовыя жыхары мелі шанс трапіць толькі ў лакальныя органы ўлады ніжэйшага ўзроўню, напрыклад, у мясцовыя сялянскія камітэты. Даверу да «ту-тэйшых» ні Менск, ні Масква не мелі.

«Лесавызначальны фактар найноўшай беларускай гісторыі», — Горны Аляксандр Сяргеевіч, кандыдат гістарычных навук, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы

— Якое значэнне вераснеўскіх падзей 1939 года для гісторыі Беларусі?

— На маю думку падзеі верасня 1939 г. сталі лесавызначальным фактарам найноўшай беларускай гісторыі. Нягледзячы на савецкія рэпрэсіі, дэпартацыі насельніцтва, пераследы рэлігійных канфесій, адбылося аб'яднанне двух частак

аднаго народа, што нельга ацэньваць негатыўна. Фактычна 1939 год стаў годам канчатковага фарміраваня беларускай нацыі. Калі б не адбылося гэтых падзеяў, Заходняя Беларусь была бы страчана для беларускага нацыянальнага праекту. Нездарма многія беларускія актывісты, такія як А. Луцкевіч, А. Уласаў, М. Краўцоў і інш віталі гэтыя падзеі.

— ***Як склаўся лес польскіх асаднікаў пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР?***

— Лес польскіх асаднікаў склаўся трагічна — частка з іх была забіта мясцовымі актывістамі ў перыяд анархіі 17–18 верасня 1939 г., калі фактычна на тэрыторыі Заходняй Беларусі не існавала ніякай улады, другая частка была арыштавана ўжо савецкімі органамі дзяржбяспекі і дэпартавана.

— ***Вы шмат навуковых матэрыялаў прысвяцілі беларускім паланафільскім арганізацыям у міжваенны час. Як склаўся лес іх удзельнікаў пасля 1939 года?***

— Лес беларускіх паланафілаў склаўся па-рознаму, тут нельга вызначыць нейкую адзіную траекторыю. Тыя паланафілы, што мелі дачыненні да польскіх спецслужбаў, безумоўна пасля верасня 1939 г. былі арыштаваныя ці пераследваліся савецкім НКУС. Некаторым удалося схавацца, збегчы на іншыя тэрыторыі і такім чынам выжыць. Прыкладам тут можа быць лес Радаслава Астроўскага — вядомага беларускага дзеяча, аднаго з лідараў «беларускай санацыі», які пасля верасня 1939 г. пачаў актыўна супрацоўнічаць з немцамі. Цікавым падаецца лес яшчэ аднаго лідара беларускага паланафільскага руху — Арсена Паўлюкевіча, які нейкім чынам пазбег арышту ў верасні 1939 г., перабраўся ў Цэнтральную Польшчу, прымаў удзел у польскім руху супраціўлення і загінуў у канцлагеры Асвенцым.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ НОМЕРА

Барабаш Виталий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент. Сфера научных исследований: участие поляков в антифашистском сопротивлении на территории Беларуси, история советско-польских отношений на международной арене и на территории Беларуси в период Второй мировой войны. Автор свыше 60 научных работ, включая 3 монографии.

Вашкевич Андрей, историк. Сфера научных исследований: история белорусского национального движения в Польской республике, история архитектуры и городской промышленности Гродно. Автор и соавтор ряда книг.

Герасимчик Василий Владимирович, магистр исторических наук. Окончил Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, магистерскую программу Российского государственного гуманитарного университета и Торуньского университета имени Николая Коперника. Сфера научных интересов: восстание 1863–1864 гг., которому посвящена его монография «Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда» (Гродно, 2018).

Гулецкий Дмитрий Владимирович, почетный член Белорусского Нумизматического общества, редактор серии «Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики» (Минск — Москва).

Король Вадим Леонтьевич, магистр исторических наук. Сфера научных исследований: миротворческая деятельность белорусских епархий РПЦ, история Русской православной

церкви в Беларуси во второй половине XX века, государственно-церковные отношения. Автор ряда статей по данной тематике.

Лютик Дмитрий Владимирович, историк и педагог. Сфера научных интересов: военная история и фортификация XX века, которым посвящены его монографии.

Попель Родион Игоревич, магистр исторических наук. Старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Международного гуманитарно-экономического института (Минск). Сфера научных интересов: нумизматика, история христианства.

Стариченок Валентин Васильевич, магистр социологических наук (MA in Sociology), кандидат исторических наук, доцент, эксперт Аналитического центра Республиканского общественного объединения «Белая Русь», член Российско-белорусского экспертного клуба, постоянный автор порталов «ИМНОclub.by», «Евразия. Эксперт», «СОНАР-2050». Автор 62 научных трудов. Сфера научных интересов: социология политики, идеология белорусского государства, информационно-пропагандистское обеспечение политических процессов, белорусско-российские отношения, евразийская интеграция, внешняя политика США в оценке американского общественного мнения.

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

КОНКУРС НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«Сожженные деревни:
Хатынь и ее сестры», выполняемых
молодыми исследователями
под руководством ведущего ученого

Время объявления конкурса: 1 февраля 2019 г.
Заявки принимаются до: 30 июля 2019 г., 23:59

Условия конкурса

1. Общая информация

Цель конкурса — создание условий для формирования электронной базы данных по населенным пунктам РСФСР, уничтоженным в ходе нацистских карательных операций в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Задачи конкурса:

- 1) поддержка научных изысканий талантливой молодежи по заявленной тематике;
- 2) стимулирование исследовательской деятельности молодых и ведущих ученых по ранее неизученной тематике (конкурса);
- 3) формирование базы научных трудов по истории (документальных эссе) и документов по тематике конкурса с последующей реализацией ее в электронной базе данных «Сожженные деревни России».

Организаторы: Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук (ГАУГН), Государственное

научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» (Фонд «Историческая память»).

Конкурсная комиссия: компетентные представители от соорганизаторов.

Форма проведения конкурса: путем подачи электронных файлов в виде на сайте проекта «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры» (https://hatyn.gaugn.ru/?page_id=1336). Каждый авторский коллектив таким образом отправляет следующие файлы: а) резюме участников авторского коллектива в формате DOC; б) документальное эссе (научный труд объемом 0,5–1 авторский лист) в формате DOC; в) исторические источники, использованные при написании эссе — каждый в форматах JPG (скан или фотография с разрешением не менее 300 dpi) и его расшифровка — в формате DOC.

Авторский коллектив: коллектив физических лиц (два молодых ученых и научный руководитель с ученой степенью кандидата или доктора исторических наук) — дееспособные граждане:

— для номинации «Лучший российский труд по тематике нацистских карательных операций» - гражданство Российской Федерации у руководителя и участников авторского коллектива;

— для номинации «Лучший белорусский труд по тематике нацистских карательных операций» — гражданство Республики Беларусь у руководителя и участников авторского коллектива;

— «Лучший совместный российско-белорусский труд по тематике нацистских карательных операций» — граждан-

ство Российской Федерации или Республики Беларусь у руководителя авторского коллектива, гражданство Российской Федерации – у одного участника авторского коллектива, гражданство Республики Беларусь — у другого участника авторского коллектива;

— «Лучший труд по проблематике “Дети — жертвы оккупации”, выполненный российскими, белорусскими или совместными российско-белорусскими авторскими коллективами».

Сроки рассмотрения документов от авторских коллективов: 1–20 сентября 2019 г.

Сроки экспертизы присланных материалов: 1–30 августа 2019 г.

Сроки объявления результатов конкурса: 1–15 сентября 2019 г.

Пощрение победителей: участие (за счет организаторов) во Второй международной школе молодых историков «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры» (Республика Беларусь, Минск, 7–13 октября 2019 г.).

2. Требования к участникам конкурса

2.1. В конкурсе могут участвовать коллективы численностью 3 человека. Коллектив состоит из:

— руководителя коллектива, соответствующего требованиям, установленным в разделе 3 настоящих Условий;

— двух исполнителей – лиц в возрасте 18–35 лет включительно, имеющих аттестат о среднем (полном) общем образовании, работающих или обучающихся в научных организациях и высших учебных заведениях Российской Федерации и Республики Беларусь.

2.3. Коллектив формируется его руководителем.

2.4. Исполнители проекта фактом отправки своих резюме для участия в конкурсе подтверждают свое согласие войти в состав коллектива, уполномочивают руководителя коллектива представлять его интересы как участника коллектива и выступать от его имени в отношениях с организаторами конкурса и иными юридическими и физическими лицами по всем вопросам, связанным с участием в конкурсе.

2.5. Принимая предложение войти в состав коллектива, член коллектива подтверждает, что:

2.5.1. ознакомлен и принимает Условия конкурса;

2.5.2. содержание проекта не совпадает с содержанием его других работ и проектов, не содержит сведений, составляющих государственную или коммерческую тайну;

2.5.3. ознакомлен с составом будущего коллектива;

2.5.4. согласен с выбором организации, предоставляющей условия для реализации проекта;

2.5.5. согласен на хранение и обработку его персональных данных организаторами конкурса, их использование для целей проведения экспертизы и информационного сопровождения проекта;

2.5.6. согласен на публикацию предоставляемых им документального эссе и использованных при его написании исторических источников в электронной базе данных «Сожженные деревни России» и в научных журналах: ЭНОЖ «История», «Журнале российских и восточноевропейских исследований».

3. Требования к руководителю коллектива

3.1. Физическое лицо может являться руководителем только одного авторского коллектива, участвующего в конкурсе.

3.2. Руководитель авторского коллектива должен иметь ученую степень кандидата или доктора наук.

3.3. Руководитель авторского коллектива не должен находиться в административной подчиненности у участников коллектива.

4. Требования к материалам, отправляемым для конкурса

4.1. Резюме авторского коллектива должно соответствовать приложенной форме. Фактом заполнения резюме и отправкой его на конкурс участники авторского коллектива (включая его руководителя) соглашаются на использование этих их персональных данных для коммуникации с ними.

4.2. Научный труд (документальное эссе) представляет собой научную статью объемом 40 000–60 000 знаков по проблематике:

а) нацистских карательных операций, проводившихся оккупационными властями в годы Великой Отечественной войны в географических границах одной административной области;

или б) по одной нацистской карательной операции, проведенной оккупационными властями в годы Великой Отечественной войны в границах нескольких административных областей.

4.3. Резюме участников и руководителя авторского коллектива заполняется по образцу (см. Приложение к настоящим условиям) и отправляется одновременно с документальным эссе и использованными при его написании исторически-

ми источниками в электронном виде в формате DOC через сайт проекта «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры» (https://hatyn.gaugn.ru/?page_id=1336)

4.4. Документальное эссе, отправляется на конкурс через сайт проекта «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры» (<http://hatyn.gaugn.ru/>) в формате DOC объемом 40 000 – 60 000 знаков и имеет следующую структуру:

— введение — источниковедческий и историографический анализ избранной авторским коллективом темы объемом 8 000–10 000 знаков;

— фактическое изложение — основной объем;

— заключение – выводы на основании изложенного во введении и в основной части материала объемом 1800–2000 знаков.

4.5. Исторические источники, использованные при написании документального эссе, отправляются на конкурс через сайт проекта «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры» (<http://hatyn.gaugn.ru/>) — каждый лист в формате JPG (скан или фотография с разрешением 600 dpi) и его расшифровка – в формате DOC.

4.6. Для участия в конкурсном отборе могут быть представлены научные труды в следующих номинациях:

— «Лучший российский труд по тематике нацистских карательных операций»;

— «Лучший белорусский труд по тематике нацистских карательных операций»;

— «Лучший совместный российско-белорусский труд по тематике нацистских карательных операций»;

— «Лучший труд по проблематике “Дети — жертвы оккупации”, выполненный российскими, белорусскими или

совместными российско-белорусскими авторскими коллективами.

5. Порядок подачи заявки для участия в конкурсе

5.1. Заявка для участия в конкурсе подается руководителем коллектива путем отправки электронных файлов на сайт проекта «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры» (<http://hatyn.gaugn.ru/>). Каждый авторский коллектив таким образом одновременно отправляет следующие файлы: а) резюме участников авторского коллектива; б) документальное эссе; в) исторические источники, использованные при написании эссе.

Дата и время начала подачи заявок: 15.01.2019 23:00 (Мск)

Дата и время окончания подачи заявок: 30.08.2019 г., 23:59

6. Правила рассмотрения документов

6.1. Конкурсный отбор осуществляется на основании экспертизы проектов, проводимой конкурсной комиссией из числа компетентных представителей ГАУГН, ИИ НАНБ, Фонда «Историческая память».

6.2. Экспертиза проектов осуществляется с учетом следующих критериев:

6.2.1. соотношение количества опубликованных и неопубликованных ранее исторических источников, использованных при написании документального эссе;

6.2.2. полнота раскрытия темы;

6.2.3. соответствие документального эссе требованиям конкурса по объему и содержанию.

6.2.4. глубина источниковедческого и историографического анализа вводной части документального эссе.

6.2.5. соответствие качества предоставленных в электронном виде исторических источников требованиям конкурса;

6.2.5. соответствие расшифровки исторических источников и их архивного описания оригиналам.

6.3. Данные о содержании проекта и о результатах экспертизы являются конфиденциальными и подлежат разглашению только в форме подведения итогов конкурса в установленные сроки.

6.4. Организаторы конкурса и конкурсная комиссия не вступают в обсуждение результатов экспертизы.

6.5. По итогам конкурса конкурсная комиссия определяет победителей и устанавливает место, время и форму мероприятия с целью награждения победителей.

6.6. Организаторы уведомляют участников конкурса о решении конкурсной комиссии электронным письмом руководителю каждого авторского коллектива. Срок отправки такого письма: 2–7 октября 2019 г.

7. Поощрение участников конкурса

Поощрение участников конкурса осуществляется в следующих формах:

7.1. Всем участникам конкурса — публикация их документальных эссе и использованных при их написании исторических источников в электронной модерируемой базе данных с возможностью обновления «Сожженные деревни России» в 2020 г.

7.2. Все победители получают право участвовать в работе Второй международной школы молодых историков «Со-

жженные деревни: Хатынь и ее сестры» (7–12 октября 2019 г.) за счет организаторов.

7.3. Все историко-документальные эссе победителей будут опубликованы в специальном выпуске научного журнала «Белорусский исторический обзор».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Резюме научного руководителя авторского коллектива

Фамилия, имя, отчество руководителя авторского коллектива:

Адрес электронной почты руководителя авторского коллектива:

Номер мобильного телефона руководителя авторского коллектива:

Научная степень руководителя авторского коллектива:

Место работы руководителя авторского коллектива:

Должность (по месту работы) руководителя авторского коллектива:

Номинация конкурса, на которую выдвигается научный труд данного авторского коллектива:

Резюме участников авторского коллектива

УЧАСТНИК АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Фамилия, имя, отчество участника авторского коллектива:

Адрес электронной почты участника авторского коллектива:

Номер мобильного телефона участника авторского коллектива:

Место учебы участника авторского коллектива (учебное заведение, факультет, курс):

УЧАСТНИК АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Фамилия, имя, отчество участника авторского коллектива:

Адрес электронной почты участника авторского коллектива:

Номер мобильного телефона участника авторского коллектива:

Место учебы участника авторского коллектива (учебное заведение, факультет, курс):

